

УДК 316+314+39
ББК 60.5+60.7+62.5
П26

Редакционная коллегия серии:

академик В.М. Фомин (главный редактор),
академик Ю.И. Шокин, член-корреспондент РАН В.А. Ламин,
член-корреспондент РАН В.Н. Опарин, доктор биологических наук В.В. Глухов,
доктор экономических наук В.Ю. Малов, доктор химических наук В.П. Федин,
кандидат физико-математических наук Н.Г. Никулин (ответственный секретарь)

Серия основана в 2003 г.

Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и организации промышленного производства [и др.]. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – 269 с. – (Интеграционные проекты СО РАН; Вып. 47).

Монография посвящена актуальной проблеме развития человеческого потенциала Сибири и является результатом совместных исследований ИЭОПП СО РАН с Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН. Оценка ресурсов человеческого развития Сибири на микро-, мезо- и макроуровнях дана на основе выявления практик мобилизации населением собственных ресурсов и использования социальной инфраструктуры, анализа демографических процессов и состояния этнополитических и этнокультурных институтов. На материалах государственной статистики, социологических и медико-демографических исследований показано, что явные риски, трансформирующиеся в опасность, вызваны сокращением численности населения региона, деструктивным отношением к здоровьесбережению; при сложившихся институциональных условиях большинство населения Сибири не располагает и не будет располагать в перспективе при этих условиях достаточными возможностями для развития человеческого потенциала за счет собственных ресурсов. Требуется разработка научно обоснованных решений, обеспечивающих полноценную реализацию возможностей, заложенных в региональном человеческом потенциале.

Книга предназначена социологам, демографам, этнографам, специалистам в области государственного управления, а также широкому кругу читателей, неравнодушных к проблемам социального и демографического развития Сибири.

Утверждено к печати

Ученым советом Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН

Рецензенты:

д-р экон. наук *В.Ю. Малов*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*,
д-р социол. наук *О.В. Нечипоренко*

Работа выполнена в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 8
«Демографические, этнические и социальные риски развития человеческого потенциала Сибири»

ISBN 978–5–7692–1312–0 (Вып. 47)
ISBN 978–5–7692–0669–6

© Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН, 2014
© Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2014
© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2014
© НИИ комплексных проблем гигиены и
и профессиональных заболеваний СО РАМН, 2014
© Оформление. Издательство СО РАН, 2014

Авторский коллектив монографии:

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск): Т.Ю. Богомолова, канд. социол. наук (глава 5, заключение), З.И. Калугина, д-р социол. наук (главы 1, 4, 7, заключение), Н.Е. Смирнова (главы 11, 13, 16), С.В. Соболева, д-р экон. наук (главы 2, 11, 13, заключение), О.П. Фадеева, канд. социол. наук (глава 8), Т.Ю. Черкашина, канд. социол. наук (главы 1, 6, 9), О.В. Чудаева (главы 2, 11, 13, заключение)

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск): Е.В. Антропов (глава 16, 17), Д.Ю. Гапак (глава 18), И.В. Октябрьская, д-р ист. наук (главы 3, 15, 16, 17), М.В. Пономаренко (глава 3), Н.Г. Попова (глава 18), А.А. Шадт, канд. ист. наук (главы 3, 15)

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск): С.В. Ряченко, д-р геогр. наук (глава 10)

НИИ комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН (Новокузнецк): Ю.А. Григорьев, д-р мед. наук, В.В. Захаренков, д-р мед. наук (глава 12)

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

<http://lib.ieie.su/docs/2014/PerspektivIRiskiRazvitChelPotenc.pdf>

Раздел 4

Этнические риски человеческого развития

Глава 15

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ**

Базовая концепция анализа этносоциальных и этнополитических процессов, предложенная в теоретической части раздела и взятая за основу данного исследования, дает возможность обозначить пространство и векторы развития человеческого потенциала в сибирском регионе в этническом аспекте. Это является одним из условий разработки стратегии развития сибирских территорий.

Согласно концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. вопросы государственного и общественного развития неразрывно связаны с развитием человеческого потенциала на сибирских территориях [Концепция..., 2008; 2011]. Стратегической целью развития Сибири обозначено «обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа, гарантирующей национальную безопасность, динамичное развитие экономики и реализацию стратегических интересов России в мировом сообществе» [Стратегия..., 2010].

Конструирование желаемой модели развития предполагает баланс государственных, общественных и личностных интересов, неотъемлемой частью которых являются этнические интересы. Однако в реальности противоречия личностной идентичности и групповой солидарности, основанной на этнических ценностях, с одной стороны, и тенденций социально-экономической интегрированности и политической консолидации – с другой, формируют конфигурацию рисков.

Общемировые процессы глобализации, рост трансграничных и региональных миграций сопровождаются ростом этнополитических рисков во всем мире. Россия в целом и Сибирь в частности в данном случае не являются исключением. Межэтнические конфликты, экстремизм, терроризм, бытовой национализм и целый ряд других проблем – это общемировые реалии наших дней.

Кроме того, социально-экономические преобразования последних 20 лет кардинально изменили социальный ландшафт российского общества, спровоцировали обострение целого ряда проблем: оказались нарушены привычные жизненные устои, сложившиеся общественные стандарты и правила поведения, что и стало дополнительным фактором усиления конфликтности в стране в целом.

Особое место среди социальных рисков заняли риски этнополитические. Конкретизируя понятие и содержание этнополитических рис-

ков, возникающих при оценке развития человеческого потенциала в Сибири, необходимо отметить детерминированность этого развития как многовекторного явления. В этом случае этнополитические факторы представляют собой компоненту, определяющую контекст экономического, социального и культурного развития Сибири.

Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. обозначает существующие и вероятные этнополитические риски как потенциальную угрозу для развития страны и регионов, особо выделяя среди них такие, как «националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма» [Стратегия..., 2009].

При обозначении приоритетных направлений развития подчеркивается, что «для предотвращения угроз национальной безопасности необходимо обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, повысить мобилизационный потенциал и рост национальной экономики, поднять качество работы органов государственной власти и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом в целях реализации гражданами Российской Федерации права на жизнь, безопасность, труд, жилье, здоровье и здоровый образ жизни, на доступное образование и культурное развитие» [Стратегия..., 2009].

Реализация заявленных положений и «создание комплексной системы контроля над рисками» невозможны без осуществления деятельности по стратификации этнополитических рисков, прежде всего по обеспечению баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, включая совершенствование миграционного учета, а также ... обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах» и т.д. [Стратегия..., 2009].

Оценка состояния этнополитической ситуации и рисков в регионе требует анализа составляющих процесса взаимодействия этносоциальных и этнополитических субъектов сибирского региона, его исторических особенностей, современного состояния и перспектив, а это предполагает обращение к реалиям российской политики и мировому опыту регионализма и федерализма.

С момента включения Сибири в экономическое и политико-правовое пространство Российского государства, ее полиэтничное сообщество формировалось и структурировалось в рамках развития широкомасштабной миграции. Мигранты (главным образом, выходцы из российских регионов) расселялись компактно или дисперсно, с учетом экономических или политических интересов государства, и управлялись в рамках общероссийского законодательства и традиционных правовых институтов. Часть переселенцев владела опытом трансграничного существования (выходцы с западных или южных границ России), часть такого опыта не имела (преимущественно крестьянские переселенцы), часть выступала в качестве идеологических, политических или социальных противников центральной власти (ссылные).

По отношению к аборигенному населению применялись нормы колониального права по схемам «косвенного» и «прямого» управления с учетом особенностей освоения сибирских территорий. Принципы конфигурирования и управления уже созданными административно-территориальными единицами в регионе базировались на основе законодательного параллелизма в управлении миграционным и аборигенным сообществами.

Закрепление мигрантов на новых местах жительства и их освоение позволяли решить геополитические и экономические задачи России. На протяжении практически всего имперского и советского периода российской истории действовал асимметричный механизм государственного устройства и государственного управления сибирскими территориями, формирующий разные статусные позиции этносоциальных групп.

Существовала система выделения территорий, основанная на приоритетных формах эксплуатации ресурсов: кабинетные земли, государственный земельный фонд, переселенческий фонд. Статус мигранта определялся рядом преференций в поземельном устройстве и налогообложении. Территориально места расселения миграционных сообществ в Сибири могли совпадать (полностью или частично) с ареалами традиционного природопользования аборигенных сообществ, сокращая последние и вызывая разрушение сложившихся хозяйственно-бытовых комплексов. Естественным следствием развития ситуации становились этноэкономические и этносоциальные конфликты.

Вместе с тем, имел место и обратный процесс: сохранение традиционных форм самоорганизации аборигенного сообщества и его консервация через систему политико-правовых механизмов. Согласно Уставу 1822 г., сибирские инородцы выступали в качестве особого сословия Российской империи с потенциальной свободой перехода в другие категории: оседлые народы приравнивались к основному податному населению; для кочевых этносов сохранялись традиции родовой организации и управления. Выделение инородцев в особую, юридически оформленную группу являлось фактором этнической консолидации.

Сибирские территории представляли собой чересполосицу миграционных и аборигенных сообществ; при этом местное, коренное население со времен царской России постоянно взаимодействовало с массовыми миграционными потоками. Каждая волна мигрантов накладывалась на полиэтничное пространство и, в свою очередь, взаимодействовала с периодическими волнами добровольных и принудительных мигрантов, что не позволяло какой-либо этнической (этносоциальной) группе «заявить» о своих притязаниях.

Вторая половина XIX в. в России была отмечена усилением тенденций централизации и унитаризации в управлении «инородцами», что совпало с унификацией системы регионального управления. Включение огромных территорий российских окраин, заселенных полиэтничными и поликультурными сообществами, в социально-экономическую и административно-территориальную инфраструктуру государства ставило перед ним задачу формирования единого политико-правового простран-

ства. Однако «попытки унификации системы общеимперского управления окраинами наталкивались, во-первых, на сопротивление внутри отдельных окраин, и, во-вторых, специфика окраинных территорий (культурная, языковая, религиозная) была столь ярко выражена, что не всегда представлялась возможность ввести на всех окраинах единую унифицированную систему» [Бахтурина, 2004, с. 14].

К началу XX в. единство административно-территориального пространства Российской империи было достигнуто, но со значительными изъятиями – в своих правах и возможностях Сибирь так и не была уравнена с регионами Центральной России. Социально-политическая асимметрия стимулировала рост этнического национализма российских окраин в годы Первой мировой войны, в том числе – волну движения за национальное самоопределение коренных народов Сибири, переживавших период национальных мобилизаций.

В 1917 г. в ходе советского строительства, с предоставлением (пусть и декларативным) народам постимперской России широчайшей (даже для Европы того времени) автономии – с признанием советским руководством права наций на самоопределение в качестве «государственно-образующего» принципа, процесс этнополитической стратификации у народов Сибири вступил в новую стадию. При унификации национальных и социальных статусов народонаселения СССР произошла легитимация (и консервация) этнических иерархий. Таким образом, разновекторные тенденции государственного строительства продолжали доминировать и в советской национальной политике.

После ликвидации СССР и разрушения системы управления и контроля над национальными территориями в постсоветском социально-политическом пространстве получили развитие процессы суверенизации; была актуализирована идеология самоопределения, кодифицированная еще в 1930-е гг.

Российская Федерация, сохранившая практически без изменений традиционный советский принцип национально-территориального устройства, стала зоной активных политических экспериментов. К началу 1990-х гг. федеральная власть зафиксировала сложившуюся в постсоветской России статусную иерархию народов и территорий Федеративным договором. Конституция РФ 1993 г. подтвердила традиции национально-территориального деления, заложенные задолго до ее принятия, и вместе с традициями перенесла на новую российскую почву и особенности национально-территориального устройства: «огромные размеры территории; неравномерное развитие регионов, усугубившееся с началом перехода к рыночным отношениям; специфику природно-климатических ресурсов каждого из них; этническое многообразие дисперсно расселенных народов; различия в культуре и конфессиональной принадлежности; ментальность всего населения и отдельных его групп; кризисное состояние различных сфер жизни общества; сочетание национальной и территориальной моделей в административном делении и многое другое» [Административно-территориальное устройство..., 2003, с. 214].

Можно согласиться с Л. Полищуком в том, что изначально регионализм рассматривался федеральным центром как способ решения задач социального обеспечения и поддержания занятости в условиях экономического кризиса [Полищук, 2010]. Знаменитое предложение Президента РФ Б.Н. Ельцина: взять регионам столько власти, сколько они смогут вынести, иллюстрирует настрой того времени. При этом ни ресурсы, ни полномочия администраций на местах не были четко установлены. Позиция «защитника» региональных интересов перед Москвой приносила огромные политические выгоды, а усилия и энергия региональных должностных лиц часто были поглощены «торгом» с федеральным правительством, оставляя внутренние проблемы относительно запущенными.

В результате бездействия федерального правительства регионы расширили свои полномочия, заменяя институты и предметы ведения федерального уровня решениями местного уровня и принимая законы в сферах, которые по Конституции РФ находились в исключительной компетенции Федерации. Такая практика разрушала единство российского экономического и правового пространства [Полищук, 2010].

Так, среди сибирских автономий Тыва и Якутия закрепили за собой право приостанавливать действие законов и актов РФ, если они противоречат республиканским конституциям; Бурятия и Тыва – установили право на введение чрезвычайного положения без согласования с центром; Тыва – право объявлять на своей территории военное положение и принимать решения по вопросам войны и мира; Тыва, Якутия, Алтай объявили природные ресурсы своих территорий республиканской собственностью; Республика Алтай обозначила свои приоритеты в вопросах охраны культурного и исторического наследия.

В первое десятилетие 2000-х гг. конституционный конфликт был исчерпан: республиканские законодательства были приведены в соответствие с федеральным, но государственное устройство России сохранило сложную иерархическую структуру. Статья 5 Конституции РФ декларирует равенство субъектов РФ между собой и перед федеральным центром, одновременно сохраняя вариативность их административно-территориального и политического устройства.

Федеративная асимметричность проявляется в делении субъектов федерации на административно-территориальные и национально-территориальные автономии. Выделяются республики, национально-автономные округа, автономная область, а также края, области и федеральные округа. Вариативность и иерархичность государственного устройства стали одной из главных проблем современного российского федерализма.

Помимо сложного политического структурирования, характерного для всех российских территорий, специфика сибирских автономий заключается также в их преимущественно сырьевой направленности. Под сырьевыми территориями понимают «такие административно-территориальные образования (в статусе субъекта Российской Федерации), решение основных социально-экономических проблем которых в определяющей степени связано с использованием природных ресурсов (как на

поверхности данной территории, так и в ее недрах). Это означает, что экономическая деятельность, связанная с поиском, разведкой, а также последующим освоением, разработкой и возможным восстановлением природных ресурсов, преобладает в структуре валового регионального продукта, в налоговых поступлениях в бюджет территории и играет существенную роль в обеспечении занятости трудоспособного населения» [Крюков, Селиверстов, Токарев, 2003].

В мировой практике доступ к природным ресурсам региональных элит во многом определяет экономические предпосылки в развитии возможных сепаратистских тенденций. Сложившиеся к началу 1990-х гг. стратегии освоения сибирских сырьевых территорий способствовали активизации их экономических элит с целью закрепления за собой «жизненного пространства». Среди инструментов влияния активно использовалась и этническая мобилизация.

В начале 1990-х гг. политические элиты ряда российских регионов использовали этнические (этнополитические) лозунги в своих программах, в том числе для обеспечения доступа к власти и ресурсам, как дополнительный фактор в борьбе против «чужого» капитала, для его вытеснения с региональных рынков и т.д. Для этого периода были характерны попытки реализовать принцип этнической государственности, например, через право сепарации или подавление национальных меньшинств, через рассмотрение региональных законопроектов и т.д. Все вышесказанное подпадало под категорию «условного» национализма. На данный момент ни одна из указанных деклараций практически не получила своего реального развития.

Современные региональные этнополитические элиты потеряли заинтересованность в получении подлинного суверенитета, либо сумев в большинстве своем использовать имеющиеся возможности на местах, либо выстроив эффективную систему отношений с федеральным Центром.

В настоящий момент этнополитическое пространство Сибири имеет ряд особенностей. Общей для региона, как и для России в целом, согласно мониторингу EAWARN 2010 г., является ситуация, позитивно развивающаяся на протяжении последнего десятилетия. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что после завершения открытых военных конфликтов (прежде всего, в Чечне), наступила «эйфория благополучно пережитого напряжения» на фоне «привыкания» к конфликту. Улучшение ситуации в России продолжалось с начала 2000-х гг. в контексте общей социально-политической стабилизации, несмотря на трагические рецидивы.

Но при этом сохранялась латентная напряженность; в ходе обострения политических дебатов и при росте социальных проблем уровень общественного напряжения стал расти [Этнополитическая ситуация в России..., с.245]. Ухудшение ситуации обозначилось к 2009–2010 г., показателем чего был рост рейтингов конфликтности – по России в целом с 6,44 (2007 г.) до 7,74 (2010 г.); тем не менее ситуация оставалась в пределах слабой напряженности.

По СФО исчисляемые рейтинги по регионам выглядели так: Томская область – 2,66 % (2007 г.), 9,72 % (2010 г.); Республика Алтай –

2,43 % (2007 г.), 9,51 % (2010 г.); Якутия – 7,59 % (2007 г.), 8,42 % (2010 г.); Омская область – 8,18 % (2010 г.); Иркутская область – 7,70 % (2007 г.), 7,70 % (2010 г.); Республика Тыва 9,72 % (2010 г.); Алтайский край 2,17 % (2007 г.), 4,72 % (2010 г.); Республика Бурятия 8,65 % (2007 г.), 2,50 % (2010 г.) [Этнополитическая ситуация в России..., с. 243].

Мониторинг, проведенный по Новосибирской области и г. Новосибирску, позволил определить рейтинг конфликтности в границах 8–10 % с акцентированной миграционной и экологической составляющими. В целом по СФО эти показатели укладывались в определения «стабильная обстановка» и «слабая напряженность».

По мнению экспертов и аналитиков EAWARN на 2010 г., «ситуация в России оставалась в целом стабильной, порог слабой напряженности не был преодолен в сторону ухудшения. Это показывает наличие серьезного мирного потенциала в российском обществе. Однако и обществу, и политикам не следует игнорировать негативные тенденции последних лет, которые возникли и сохраняются в сфере общественно-политических, социальных и межэтнических отношений» [Этнополитическая ситуация в России..., с. 246].

При этом следует отметить, что «реальный» национализм, под которым традиционно понимается протест этнической группы против реального или мнимого ущемления ее интересов, к 2010 г. стал не актуален для сибирского региона в целом. Определяющим условием при характеристике ситуации является многонациональный состав ее населения с присущим ему культурным и конфессиональным многообразием, исторически сложившиеся практики межэтнического взаимодействия и традиции этнической толерантности.

В Сибири стабильность в сфере межэтнических отношений была также обусловлена малой плотностью населения и отсутствием серьезной конкуренции на рынке труда. Это подтверждается рядом исследований, в том числе проведенных в рамках настоящего проекта. Сложившаяся тенденция, несмотря на социально-экономические проблемы последних десятилетий, пока сохраняется для подавляющей части сибирских территорий.

Постоянный приток миграционного населения на российские окраинные территории на протяжении длительного времени позволяет существенно сглаживать рост этнонационализма при отсутствии значительного доминирования какой-либо этнической группы.

Русскоязычное большинство по-прежнему придерживается в целом толерантных установок. Так, исследования показывают, что у горожан в СФО нет устойчивого негативного стереотипа по отношению к иноэтничным сообществам и мигрантам. Это во многом обусловлено восприятием российской (русской) идентичности как национальной/государственной принадлежности. Можно предположить, что ситуация и дальше останется стабильной, но только до тех пор, пока не сложится устойчивое этносоциальное (или в ряде случаев конфессиональное большинство), способное уверенно заявить о своих политических требованиях.

Однако анализ материалов переписи 2002 г. и 2010 г. показывает, что численность русских в сравнении с данными переписи 1989 г. сокращалась почти во всех регионах России, но наиболее интенсивно – в национальных республиках. Сокращение численности русских в автономиях Сибири составило: 37,8 % – в Тыве; –29,0 % – в Якутии. Анализируя эти цифры, исследователи подчеркивают, что сокращение численности «некоренных» народов в большинстве регионов Сибири было обусловлено в большей степени миграционным оттоком в регионы европейской части страны, чем естественными потерями. При этом здесь имели место различные формы выдавливания, и далеко не только экономической природы (см. [Мкртчян, Лиманова, 2008]). Представители коренных малочисленных народов территорию своего традиционного проживания покидали редко, и их доля в населении региональных автономий повышалась. Тенденция моноэтнизации продолжала сохраняться.

Миграция оказывала и продолжает оказывать существенное влияние на этносоциальные процессы в Сибири. Нельзя не учитывать, что дальнейшее развитие несбалансированной миграции может привести к росту межэтнической напряженности, когда предметом конфликта сибирских территорий станут природные ресурсы, рынки труда, властные ресурсы, социальные блага и иные источники жизнедеятельности, являющиеся дефицитными в условиях неустойчивой экономики.

С потоками миграции связан ряд рисков, таких как: нарушение сложившегося этнодемографического баланса территорий, межнациональные конфликты, «этническая» преступность, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации, угроза потери стратегических территорий и т.д. Кроме того, в определенный момент иммиграция может достичь такого критического порогового значения, при котором принимающее общество будет не в состоянии обеспечить всестороннюю интеграцию иммигрантов. Неконтролируемая иммиграция может поставить под вопрос качество нации, которое связано с иерархией идентичностей.

Для сибирских регионов на данный момент становятся актуальными такие источники рисков, как, например, разностатусные позиции этнических групп в экономике, поиск «виноватых» в сложившейся социально-экономической ситуации. Принятие в РФ законов, фиксирующих статус коренных малочисленных народов и их права на приоритетное природопользование в границах традиционных территорий, становится конфликтогенным фактором в полиэтничных сибирских регионах.

Обозначились и такие риски, характерные для современной Сибири, как конкуренция за престижные рабочие места или «не вознаграждаемое» использование региональных ресурсов Центром. С экономической точки зрения, «незавершенность процессов создания нового федерализма, весьма естественная для сложной обстановки, в которой принималась Конституция 1993 г., порождает асимметрию прав экономически неоднородных субъектов федерации, которая часто приобретает национальную окраску. В дотациях и субвенциях из федерального бюджета допускается двадцати- и даже тридцатикратный разрыв. Неравенство прав и обязанностей порождает иждивенчество во взаимоотношении

ях многих субъектов с федеральной властью. Выравнивание прав и обязанностей субъектов федерации составляет важное направление совершенствования государственного устройства России» [Барганджия, 2003].

Помимо указанных источников национализма существуют и этнические претензии и/или притязания отдельных групп (диаспор, национальных меньшинств и др.), которые выдвигают свои требования к государству, к руководству региона (республики), референтным этносам с целью увеличения объема социальных преференций и властных полномочий.

Относительно последнего необходимо указать на необходимость диалога на уровне вертикали власти. Мировой опыт развития федерализма свидетельствует, что «тогда, когда регионы не обладают адекватным представительством и влиянием на федеральном уровне, это способствует отчуждению их элит и населения от общегосударственных интересов. Стремление ограничить самостоятельность субъектов Федерации, полностью устранить неопределенность (вариативность, гибкость, адаптивность) в их отношениях с федеральным центром базируется на недоверии к ним, презумпции недобросовестности и безответственности региональных властей, их склонности к конфликтам, а не сотрудничеству. В таких условиях федерализм, предполагающий определенный уровень доверия между федеральной и региональными властями, оказывается невозможным» [Варламова, 2003].

Законодательные инициативы исполнительной власти последних лет демонстрируют усиление унитарных тенденций. Активная деятельность федерального Центра по приведению законодательства субъектов федерации в соответствие с федеральным была первым шагом по унификации политического пространства России. Затем последовали инициативы по введению институтов федерального вмешательства и института полномочных представителей Президента в федеральных округах, практика укрупнения административных единиц с ликвидацией в том числе этнотерриториальных автономий (Усть-Ордынский Бурятский автономный округ был включен в состав Иркутской области в 2008 г.; Эвенкийский автономный округ утратил статус субъекта РФ, превратившись в Эвенкийский район Красноярского края), использовались и другие механизмы по укреплению Федерации. Указанные мероприятия и бюджетные диспропорции подталкивают региональные, в том числе этнополитические, элиты к возможному противодействию, имеющему на данный момент все условия для актуализации. Показателем этого процесса стало возникновение новосибирского регионального общественного движения «Мы – Сибиряки», заявившего о себе в ходе политических кампаний двух последних лет. И хотя это движение не имеет широкой поддержки в регионе, оно демонстрирует подвижность структуры идентичностей и политических предпочтений его населения. В самосознании жителей современной Сибири, наряду с гражданской, этнической и конфессиональной идентичностью, присутствует идентичность региональная, которая, как показала политическая реаль-

ность, может быть мобилизована в условиях сохранения ассиметричного федерализма.

Оценивая в целом ситуацию в СФО, можно выделить следующие ее особенности:

1. Наблюдается процесс спада классического национализма (сепаратизма), выражающегося в стремлении к политической независимости. Это, в частности, проявляется в приведении регионального/республиканского законодательства в соответствие с федеральным и в утверждении принципов взаимодействия регионов и Центра в этой сфере.

2. Обнаруживается тенденция роста экономического регионализма, который проявляется в стремлении региональной политической элиты к обеспечению экономического суверенитета через приоритетное право регионов, и, в первую очередь республик, распоряжаться природными ресурсами территории, к достижению большей самостоятельности в межгосударственных внешнеэкономических отношениях. Особенностью данной тенденции является стремление ряда региональных этнических элит – представителей коренных народов – обеспечить приоритет аборигенных форм природопользования.

3. Устойчиво высокой активностью отличается движение коренных народов Сибири, что выражается в стремлении к защите культуры, языка, территории, демографической стабильности и в усилении притязаний на перераспределение доступа к эксплуатации природных ресурсов.

4. На фоне развития миграционных процессов происходит активизация этнокультурных диаспоральных практик в регионе. Этнические сообщества Сибири и России в целом все больше втягиваются в международные транснациональные отношения, акторами которых выступают «страны исхода», использующие диаспоры как факторы «мягкого влияния» и посредников в трансляции значимых культурных ценностей, которые в свою очередь ведут не только к развитию международного сотрудничества, но и к усилению политического лоббирования.

Эти тенденции заключают в себе потенциальные перспективы и возможные риски. В целом в результате политико-экономических и социально-культурных процессов последнего десятилетия в полиэтничном пространстве Сибири происходят значительные изменения. При сохранении этнополитической стабильности и толерантных стратегий взаимодействия, современная ситуация характеризуется ростом самосознания коренных народов Сибири, усилением диаспоральной активности и межэтнической напряженности по отношению к этническим мигрантам, активизацией экономического регионализма и т.д.

По результатам анализа этнополитической ситуации в регионе можно также прогнозировать рост рисков, связанный с дальнейшей маргинализацией сибирского населения и снижением плотности населения на территории региона. С одной стороны, высокая маргинальность сибирского населения снимает остроту этнополитических и этносоциальных конфликтов вследствие отсутствия возможностей для формирования устойчивых региональных (этнических) поведенческих схем, но при этом способствует созданию этнических анклавов (районов, кварталов, локаль-

ных поселений). Низкая плотность населения также снижает частоту этнических конфликтов, но в свою очередь способствует этносоциальной консолидации – возникновению землячеств, национальных (этнических) культурных автономий.

При этом сочетание указанных факторов с тенденцией усиления концентрации населения преимущественно в городах Сибири в условиях перманентного острого ресурсного дефицита способно, по всей вероятности, создать кумулятивный эффект и спровоцировать резкое возрастание этнополитических рисков.

В рамках современного сибирского макрорегиона можно идентифицировать следующие потенциальные этнополитические риски: региональный сепаратизм, экстремизм, национализм, межнациональные конфликты, риски, связанные с миграцией.

Несмотря на то, что указанные этнополитические риски существовали на всем протяжении истории Сибири, их актуальность в последнее время значительно возросла. Свидетельством этому могут служить, в частности, публикации ведущих аналитических и экспертных изданий России. Так, проблема регионального сепаратизма в течение 2012 г. активно транслируется в проекте журнала «Власть» – «Неединая Россия». Анонсы публикаций, вынесенные на обложку журнала, и названия ряда статей звучали так – «анонс: «СТРАНА СИБИРЬ. Почему Россия не хочет кормить Москву», заголовок статьи: «Как колонией была, так и останется» [Власть. 2012. № 15. С. 15]; обложка: «Поморские сказки. Почему русский Север хочет жить сам по себе», заголовок статьи: «Мы на своей земле не хозяева» [Власть. 2012. № 23. С.15]; обложка: «Урал-патриотизм»: будет ли поднят флаг независимости 20 лет спустя», заголовок статьи: «Местных ставить нельзя – они договорятся и устроят республику» [Власть. 2012. № 26. С. 10].

Несмотря на провокационные заголовки, в материалах статей поднимаются и подвергаются анализу остросоциальные проблемы регионов, выявляются негативные процессы, предлагаются кардинальные варианты решений. Особое значение при этом имеет идентификация риска: пренебрежение к социально-экономическим процессам регионов способно уже в ближайшем времени привести к дестабилизации ситуации в РФ.

Проект журнала «Власть» – «Неединая Россия» был поддержан и рядом других средств массовой информации. Проблеме национализма был посвящен ряд публикаций в журнале «Эксперт». Обложка: «Ключ к национальному вопросу», статьи: «Национализм как функция территориальной целостности», «Самоопределение Путина» [Эксперт. 2012. № 4. С. 13].

Анализу вариантов выхода из сложившегося регионального отставания посвящены многочисленные публикации регионального издания «Эксперта» – «Эксперт–Сибирь»: «Время сложных решений», «Операция «Корпорация», «РАО “Восток”: экстренный вариант» [Эксперт Сибирь. 2012. № 6. С. 10–16]; статьи: «Пора пожить для себя», «Запрыгнуть в уходящий поезд» [Эксперт Сибирь. 2012. № 9. С. 12–16]; обложка: «Тяни-толкай: Почему в Сибири растет добыча ресурсов, но падают темпы

экономического роста и качество человеческого капитала», статьи: «Не только позитив», «Мы ее теряем» [Эксперт Сибирь, 2012. № 10. С. 10–16].

В 2012 г. практически весь июльский номер «Эксперта-Сибирь» был посвящен проблеме прошлого, настоящего и будущего Сибири. Тема номера редакцией была определена следующим образом: «Сибирь как колония». Обложка номера содержала следующий анонс: «От Ермака до Ишаева. Колония всяя Руси: политика, основанная исключительно на вывозе ресурсов, неизбежно ведет к деградации населения и питает сепаратистские настроения»; а статьи выпуска были посвящены: проблеме регионального сепаратизма: «Вспомнить о человеке»; истории колониальной политики: «Соболиная игла»; независимости Восточной Сибири и Дальнего Востока: «Буферный опыт»; анализу попыток создания сибирской автономии: «Мечта о прекрасной Сибири»; последствиям русской колонизации Сибири: «Нога судьбы»; новому варианту освоения Сибири: «Речная Цивилизация» [Эксперт Сибирь, 2012. № 27–31. С. 8–25].

Поставленные и актуализированные проблемы и риски не случайно возникли и получили полемический эффект. В основе представленных материалов лежит национальный вопрос, по-разному понимаемый в современном российском обществе. С одной стороны, взгляд на национализм как общенациональную идею российской государственности, а с другой – национализм как идеология этнических групп.

Начало общественной дискуссии положил В.В. Путин в статье «Россия: национальный вопрос», опубликованной 23 января 2012 г. [Путин, 2012]. Выступая в качестве кандидата в Президенты РФ, в своей программной статье В.В. Путин обозначил ключевые проблемы российской национальной политики и предложил варианты и пути их решения. Среди них он выделил такие ключевые аспекты, как «Россия как историческое государство», «единый культурный код», «национальная политика и роль сильных институтов», «проблема миграции и наш интеграционный проект» [Национальный вопрос..., 2012].

Статья получила широкое обсуждение в средствах массовой информации и вызвала волну публикаций, развивающих тему национального вопроса в России. Однако общественный интерес к проблемам этнополитического характера, их обсуждение, в общественном сознании не является гарантией их разрешения, а скорее наоборот, способствует переводу обсуждения из профессиональной сферы в популистскую, что ведет и к актуализации негативных сценариев решения национального вопроса.

Проанализированные В.А. Тишковым материалы последних выборных кампаний подтверждают использование националистической риторики в первую очередь как политического ресурса продвижения кандидата или политической партии. Национальные (этнополитические) проблемы, в силу широкого общественного обсуждения трансформированные через призму интересов региональных политических и экономических элит, экстремистских общественных организаций, способны стать благодатной почвой для радикальных проектов. Современное российское общество только лишь формирует свое отношение к национальному фактору.

Этнополитическая сфера имеет динамичный характер. Изменение социально-политического и геополитического контекста рождает новые вызовы и риски. Исследователи EAWARN, работающие в сибирских регионах, отмечают нарастание проблем, связанных с миграционной ситуацией. Отмечается увеличение частоты «групповых» требований, выраженных «несистемными активистами», практически во всех сибирских регионах. Среди требований, в зависимости от конъюнктуры политической ситуации, присутствуют националистические или антимиграционные лозунги [Этнополитическая ситуация в России, 2011, с. 401]. Практически во всех регионах имеют место проблемы, связанные с адаптацией мигрантов, правонарушениями в мигрантской среде, «этническим предпринимательством», экстремистскими настроениями; фиксируется рост интереса населения к национальным и этническим вопросам [Этнополитическая ситуация в России..., 2011, с. 403, 404, 412, 415, 416]. Круг проблем, представленных в данных мониторинга, актуализирует, по нашему мнению, этнополитические риски как значимые для регионов СФО.

Оценка этнополитических процессов в Сибири в целом позволяет выделить ряд индикаторов, по активности которых можно определять уровень развития этнополитических рисков.

Уровень 1 – фоновый, на котором фиксируются риски, существующие в современном обществе перманентно, вне зависимости от состояния социально-экономической и политической ситуации. Возникнув однажды, они циркулируют в общественном сознании, обсуждаются специалистами на гипотетическом уровне, являются сферой интересов локальных общественных групп, но не способны перерасти в дестабилизирующие. Вероятность превращения рисков данного уровня в реальные минимальна. К рискам такого рода, применительно к Сибирскому федеральному округу, можно отнести проявления регионального сепаратизма.

Уровень 2 – характеризуется актуализацией в информационной сфере – в средствах массовой информации, официальной – в управленческих структурах, формальной – в экспертном сообществе, публичной – в общественно-политических организациях. Для социально-экономической и политической ситуаций характерны реформистская деятельность или предкризисное состояние. Величина упоминаемости наступления возможного события возрастает по сравнению с фоновым уровнем на порядок. Лидеры мнений повышают частоту обращений к конкретной теме. Происходит перевод риска из формального состояния в неформальное. Начинают возникать слухи о вероятности события, возможность возникновения события активно обсуждается. В СФО к таким рискам, имеющим невысокую вероятность, можно отнести локальные проявления экстремизма. В результате ряда исследований удалось установить, что в СФО даже для молодежи экстремизм не является устойчивой характеристикой, несмотря на проявления бытового национализма и интолерантности.

Уровень 3 – когда возможность наступления события имеет высокую вероятность. Риск определяется как значимый и является неотъемлемым фактором оценки ситуации. Он связан с изменением социально-эконо-

мического или политического статуса общественных групп. Характерен в условиях «несоответствия ожиданий», с одной стороны, лидеров мнений, недовольных изменением своей позиции, а с другой – малообеспеченных и деклассированных групп населения. Для этого уровня типично широкое распространение слухов. Уровень проявляется в условиях затяжных социально-экономических или политических преобразований. К данным рискам, имеющим определенную вероятность реализоваться в СФО, можно отнести публичные проявления национализма на групповом уровне.

Уровень 4 – связан с высокой вероятностью дестабилизации, он характерен для условий социально-экономической или политической нестабильности. Событие активно обсуждается в публичной и непубличной сферах. Для этого уровня типично повсеместное распространение слухов и апелляция к ним со стороны населения. Состояние риска определяется как заражение общественного сознания. К таким рискам, имеющим высокую вероятность проявления в Сибирском федеральном округе, можно отнести массовые проявления межнациональных конфликтов.

Уровень 5 – означает перерастание риска в событие. Проявляется в условиях углубления социально-экономического или политического кризиса. Отсутствует реальная возможность предотвратить исполнение идентифицированного риска. В Сибирском федеральном округе такой риск определяется негативными последствиями миграции, миграционным давлением.

Таким образом, оценивая реальные этнополитические риски в сибирском регионе, необходимо отметить, что ряд этнополитических проблем, актуальных в 1990-е гг., в начале XXI в. потерял свое значение. Среди них – использование этнического фактора местными политическими элитами. Перестала быть фактором этнополитического риска и деятельность политических партий. Не представляется возможным на данный момент говорить о риске развития ориентированных на национальный экстремизм общественных организаций.

Вместе с тем, продолжают оставаться актуальными проблемы диаспоральных практик. Согласно материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. рост численности и удельного веса диаспор Сибири определяет тенденцию подвижности этнодемографической структуры макрорегиона. С увеличением доли диаспор в регионе прослеживается и рост диаспорально-ориентированной политической элиты, что способно привести к лоббированию интересов определенных этнических групп.

В Сибири наметившиеся тенденции децентрализации политической власти и передача ряда властных полномочий от федеральной к региональной власти также способны в ряде случаев привести к реализации интересов локальных этнических групп, а не всего населения региона в целом.

Современное российское общество в силу разных причин пока не имеет устойчивой гражданской позиции и опыта противостояния эскалации экстремизма и национализма. Вследствие этого, а также вследствие неразвитости гражданских институтов национальный вопрос пол-

ностью остается в сфере ответственности государственных институтов, как и контроль за этнополитическими процессами в регионе.

Такая ситуация сложилась не одномоментно, а обусловлена всем ходом развития российского государства в целом и Сибири в частности. Современное состояние социальных и экономических процессов в сибирском регионе наглядно демонстрирует зависимость национальной безопасности государства от этнополитического и этносоциального баланса в общественной жизни его территорий.

Проблема этносоциальных и этнополитических рисков развития региона остается сугубо практической задачей, решение которой зависит от степени профессионализма и компетентности политиков, государственных деятелей и исследователей.

Это позволяет говорить о высокой значимости состояния современного российского федерализма как реального механизма, способного адекватно ответить на вызовы современности, в том числе в вопросах минимизации и устранения этнополитических рисков. Сущность федерализма состоит в распределении полномочий по осуществлению государственной власти между федеральной и региональной властью. Необходимость разграничения полномочий объясняется следующим образом: «Первая цель – это содействие общим интересам субъектов федерации – своеобразный «клей», который держит федерацию вместе. Вторая цель – сохранение автономии составных частей федерации в отведенных им сферах ведения, что дает возможность субъектам федерации сохранить разнообразие и свою уникальность. Задача федерации – не устранять внутренние региональные и культурные различия, а управлять ими и согласовывать их. Поэтому разграничение полномочий должно поддерживать баланс между двумя фундаментальными целями – ценностями единства (но не единообразности) и ценностями региональной уникальности» [Уаттс, 2003].

Ситуация непропорционального федерализма пагубна для России и при определенных обстоятельствах чревата обострением межэтнических противоречий и сепаратистских тенденций. Можно констатировать, что федерализм – это всегда поиск равновесия между желаемой (идеальной) моделью государственных отношений и сложившейся (реальной) практикой.

При анализе перспектив политической модернизации эксперты рассматривают несколько возможных стратегий развития федерализма. И на академическом уровне, и в политике (в том числе для России) уже сформулирован переход к пониманию приоритета принципа нация – государство, где нация выступает как государственная принадлежность, а этничность – как выбор гражданина. Подобный подход позволяет снять некоторые острые моменты межэтнического взаимодействия, но предполагает также весьма вероятную возможность некоторых молодых этносов самостоятельно добиваться национально-территориального самоопределения.

Одна из возможных перспектив развития стратегии федерализма в Российской Федерации заключается в формальном сохранении сложив-

шейся структуры национально-территориальных иерархий и одновременном использовании социальных, культурных и экономических механизмов для манипулирования региональными (этническими) элитами.

Великобритания демонстрирует пример реализации такого рода стратегий. Она является унитарным государством, но территории Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия обладают определенной административной автономией, и разрешение проблем этнического сепаратизма продолжает оставаться актуальным для правительства Великобритании [Конституционное право..., 1999, с. 432–434]. При реализации данной модели Центр выступает в роли ответчика за все общегосударственные и региональные просчеты. Используя эти просчеты, местная политическая и экономическая элита могут настаивать на преференциях от центральной власти, используя региональный (национальный) патриотизм. И если в краях и областях РФ предложенный вариант вполне реализуем, то в национально-структурированных регионах ситуация чревата непредсказуемостью.

Другая модель развития, имеющая определенные перспективы, связана с переходом от федеративной к унитарной государственности. Примером подобного государства является Франция, в которой руководители департаментов (префекты) напрямую назначаются президентом республики. Французы живут в едином политическом, правовом и социальном пространстве, в рамках четко очерченной вертикали власти [Конституционное право..., 1999, с. 481]. Сторонников у этого варианта достаточно, и главным их тезисом является отсутствие в подобном государстве национально-территориальных автономий, претендующих на самостоятельность и национальное самоопределение; следовательно, отсутствует сама проблемы этнического сепаратизма, хотя при этом необходимо учитывать силу и влияние исторически сложившихся механизмов местного самоуправления, которое за последние 10–15 лет заметно расширило свои полномочия [Конституционное право..., 1999, с. 481].

Историческим прецедентом унитаризма служит и имперская Россия, хотя следует иметь в виду, что в Российской империи национальное самосознание подавляющего большинства населения страны (за исключением территорий, имевших свою государственность до вхождения в состав государства) не было актуализировано до такой степени, как сейчас, и, соответственно, проблема реализации права наций на самоопределение не стояла так остро. Как только тезис о национальном самоопределении возник в качестве политической перспективы, достаточно стройное на первый взгляд здание российского унитаризма практически мгновенно, с исторической точки зрения, развалилось.

В современных условиях обострение политической ситуации, связанное с позиционированием федерального Центра и региональных элит, в условиях реализации унитаристского проекта также вполне предсказуемо. Пример Франции с проблемами межэтнических конфликтов местного населения и жителей бывших колоний весьма нагляден.

Третий вариант, известный в мировой практике, предполагает построение пропорционального (симметричного) федерализма. Классичес-

ким примером пропорционального федеративного государства в современном мире являются США. Права субъектов американской федерации незыблемы и являются равными; четко прописана компетенция федерального центра и штатов, что практически снимает возможные юридические и экономические противоречия и споры и т.д. Однако известно, какой ценой было достигнуто построение этой модели государства. Гражданская война – это лишь верхушка айсберга американского федерализма.

В России реализация данного варианта позволяет снять претензии относительно различия региональных статусов благодаря четкой регламентации компетенции Центра и региона, а также переносу ответственности за социальные условия жизни в регионе с федерального Центра на региональное руководство при условии фиксированного бюджетного финансирования. Дополнительную гарантию сохранения данного образования даст укрупнение территориальных образований, границы которых не совпадают с границами национально-территориальных образований.

При всей привлекательности данного варианта необходимо отметить, что и в США также имеются территории, обладающие особым статусом (например, федеральный округ Колумбия, свободно присоединившиеся государства, резервации). Относительно последних можно утверждать, что положение коренного индейского населения США до сих пор остается серьезной проблемой. Решая проблемы государственного строительства, создатели США уничтожили значительную часть автохтонного населения североамериканских территорий. Создание резерваций стало средством «сохранения» этих народов: «Резервации представляют собой территории, полными хозяевами которых являются соответствующие народы. Государство охраняет эти территории от проникновения чрезмерно предприимчивых граждан и корпораций и оказывает содействие социальному развитию обитателей резерваций, не препятствуя их традиционному образу жизни. Они не платят налогов и не участвуют в выборах государственных органов, имея свое собственное самоуправление. Любое лицо, принадлежащее коренному народу, вправе в любое время покинуть резервацию и включиться в жизнь современного общества со всеми правами, свободами и обязанностями, но может также в любое время вернуться в резервацию. Резервации во всяком случае оказались более пригодными институтами для сохранения малочисленных коренных народов, чем советские автономные округа, статус которых стал средством для получения привилегий пришедшей бюрократией и верхушкой коренного населения, а теперь еще и предпринимателями, эксплуатирующими природные богатства этих территорий» [Конституционное (государственное) право..., 2000, с. 133]. Предложенная пространная цитата наглядно иллюстрирует невозможность обеспечения реального или мнимого равенства статусов, особенно тогда, когда этническая группа не имеет условий, возможности и желаний защищать свои этнические интересы.

Четвертый вариант предполагает гибкое сочетание принципов унитаризма и федерализма. Суть этой стратегии заключается в снятии про-

блемы территориального национализма на уровне регионов при сохранении механизма защиты прав национальностей. Перенос проблемы национального самоопределения с территории как маркера этнической принадлежности на индивида как носителя этничности ставит национальное самоопределение в зависимость от этнической самоидентификации.

Одним из вариантов развития такой модели является опыт Финляндии, Норвегии и Швеции, государственное устройство которых предполагает создание национальных представительств коренных народов (парламенты саами Финляндии, Норвегии, Швеции).

Так, в компетенцию Законодательного собрания саами, по закону Королевства Норвегия от 12 июня 1987 г., входит рассмотрение «любого вопроса, который, по мнению Законодательного собрания, затрагивает существенные интересы народа саами... может по собственной инициативе выразить свое отношение к любому вопросу, находящемуся в пределах его компетенции... может также по собственной инициативе поставить вопрос перед публичными властями и частными учреждениями и т.д.». В свою очередь органы публичной власти «должны предоставить Законодательному собранию саами возможность выразить свою точку зрения, прежде чем принимать решения по вопросам, находящимся в пределах компетенции Законодательного собрания саами» [Тураев, 2001, с. 332–333]. Таким образом, саами обладают реальным правом наложения вето на принятие законодательных решений, влияющих на жизнь коренного этноса. Любое решение государственных органов этих стран проходит экспертизу на соответствие интересам коренных этнических сообществ. В итоге сохраняется целостность унитарного государства, учитываются интересы коренного населения и снимается вопрос о национально-территориальном самоопределении, этническом национализме, сепаратизме и пр.

Если обратиться к историческому опыту России, то нельзя не заметить, что прообраз подобного института существовал и в Советском Союзе. По Конституции СССР 1977 г., высший орган государственной власти СССР – Верховный Совет СССР – состоял из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Статья 110 Конституции гласила: «Совет Союза и Совет Национальностей состоят из равного числа депутатов. Совет Союза избирается по избирательным округам с равной численностью населения. Совет Национальностей избирается по норме: 32 депутата от каждой союзной республики, 11 депутатов от каждой автономной республики, 5 депутатов от каждой автономной области и один депутат от каждого автономного округа».

Конечно, этот вариант не предусматривал механизма защиты от этнического национализма, так как в СССР сохранялся принцип национально-территориального устройства. Вертикаль власти актуализировала этнические преференции, связанные с повышением статуса национального образования. В свою очередь, Совет Национальностей, при всей его декларативности, функцию представительства национальных интересов выполнял.

Использование как советского, так и европейского опыта национального представительства, с учетом этнического многообразия, может быть весьма продуктивным в условиях современной России. Этнокультурная специфика России не позволяет пойти по пути создания мононациональных представительств. Но «синтетические» модели федерализма позволят обойти многие камни преткновения со стороны этнических элит.

При любых стратегиях развития необходимым является анализ региональной специфики, включающий оценку политических и экономических ресурсов. В этой связи необходимо добавить, что ставшие популярными в современной России лозунги о необходимости практической реализации «принципа национальности», «один народ – одно государство» и другие могут завести политиков, оперирующих этнической терминологией, в дебри «нового национализма», под которым понимается насильственный отказ от «природной» этничности, «государственная» ассимиляция и другие идеи.

Очевидно, что использование силовых методов этнополитического конструирования способно в ряде случаев активизировать национальные движения, радикализировать их деятельность и запустить процессы этнической конфронтации. Только постепенные действия по упорядочиванию политических устремлений этнических групп, структурирование и формализация деятельности национальных движений, дифференциация подходов и методов при работе с ними, а также предоставление широкой национально-культурной автономии на условиях государственной поддержки и скрупулезный учет региональной специфики помогут избежать многих ошибок и противоречий в ходе реализации основных положений национальной политики государства.

Требуется гибкая система, которая будет основана на совместной заинтересованности всех групп полиэтничного сообщества и государства в целом, стабилизации и конкретизации этнических прав граждан через механизм правовых, экономических и социокультурных мер, через постоянную модернизацию национальной концепции государства. Главная цель последней – способствовать установлению этнополитического равновесия в обществе. В связи с этим федерализм и регионализм должны рассматриваться в любом случае, не только как средства реализации государственной политики, но и как возможные и необходимые способы управления этнополитическими рисками.

Пока непродуманные решения федеральной и региональной власти, отсутствие механизмов поддержания этнополитического баланса на местах по-прежнему продолжают оставаться главным этнополитическим риском развития сибирского региона.

Потенциальные возможности для коррекции и управления этнополитическими рисками представлены в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. В рамках предложенной Стратегии прописаны возможности для «координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления в сфере государственной национальной

политики Российской Федерации, обеспечения их взаимодействия с институтами гражданского общества» [Стратегия государственной национальной..., 2012]. Стратегия не только описывает сложившуюся ситуацию в области государственной национальной политики, не только раскрывает «желаемые» ориентиры ее развития, но и предлагает механизмы. В Стратегии также прописаны сферы ответственности государственных органов в рамках ее реализации, согласно которым, Правительство РФ «разрабатывает и утверждает основные характеристики (индикаторы), позволяющие оценивать состояние межнациональных (межэтнических) отношений в стране, эффективность деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по реализации задач государственной национальной политики Российской Федерации» [Стратегия..., 2012]. В свою очередь, наличие объективных индикаторов обеспечит этнополитическое пространство эффективной системой координат этнополитических и этносоциальных рисков, обеспечит прозрачность и адекватность принимаемых решений на всех уровнях власти.

Глава 16

**ДИНАМИКА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В СИБИРИ: ОЦЕНКА РИСКОВ**

В современных общественных науках человеческий потенциал признается главной составляющей национального развития. Его качество определяется рядом факторов, каждый из которых имеет специфические особенности, прежде всего в связи с этническими различиями в структуре народонаселения. Этнический аспект чрезвычайно актуален для Сибири, народонаселение которой формировалось на основе миграционных процессов.

Основные тенденции в размещении населения России сложились уже в начале Нового времени, когда расширение территории государства стало носить интенсивный характер. С этого времени этнодемографические процессы в Сибири отличались высоким уровнем динамики. Население региона увеличилось с 500 тыс. чел. в начале XVIII в. до 5759 тыс. чел. в 1897 г. Национальные диаспоры самой многочисленной и густонаселенной Томской губернии (1928 тыс. чел. в 1897 г.) на рубеже XIX–XX вв. составляли пятую часть населения края. В губернии проживали (в порядке убывания численности): русские, украинцы, татары, казахи, мордва, поляки, евреи и белорусы [Очерки истории белорусов..., 2002, с. 75–76].

Основу польской, литовской и украинской диаспор Сибири заложила политическая ссылка XVIII–XIX вв. Активизация украинской и белорусской миграции последовала за отменой крепостного права и реформой П.А. Столыпина. С 1861 по 1913 г. из западных губерний в восточном направлении выехало 1,5 млн белорусов [Новосибирск – многонациональный..., 2002, с. 27]. За 1885–1916 гг. за Урал переселились 1,6 млн выходцев с Украины [Очерки истории белорусов..., 2002, с. 63].

К концу XIX в. практически во всех областях региона отмечалось значительное преобладание русских. Поощрение переселенческого движения и обновление транспортной инфраструктуры края к началу XX в. способствовали усилению широкомасштабных миграционных потоков. В 1897–1916 гг. в Сибирь из Европейской России прибыло около 4 млн чел. Развитие железнодорожного транспорта значительно повлияло на общий прирост населения Сибири и процессы урбанизации. В конце XIX – начале XX в. в городах, расположенных на железнодорожных магистралях, проживало около 80 % горожан региона [Исупов, 1987, с. 31]. В национальном составе городского населения Сибирского края в 1897 г. русские составляли 88,6 %. От числа русских 4,8 % составляли украин-

цы и 0,27 % – белорусы. Второе место по численности городского населения Сибири занимали евреи, затем поляки и татары [Очерки истории белорусов..., 2002, с. 112–113].

Для Сибири и России XX в. стал периодом интенсивных миграций населения, вызванных к жизни рядом причин: войны, освоение слабо-заселенных территорий, индустриализация, экономическая мобилизация, авторитарный тип политической власти, массовые депортации людей по социальному и этническому признакам и т.п.

Основные этнодемографические процессы в Сибири в начале XX в. были связаны с внутрирегиональными перемещениями из села в город, вызванными индустриализацией. Прирост горожан составлял 1 млн чел. в год и более. К 1926 г. численность населения Сибири достигла 11 024 тыс. чел. Из них русских было 6767,9 тыс., украинцев – 827,5, белорусов – 320,3, мордвы – 107,8, татар – 96,1, немцев – 78,8, чувашей – 48, поляков – 45,8, евреев – 32,7 тыс. чел. Замыкали десятку наиболее многочисленных народов 26,9 тыс. латышей. В пределах Западной Сибири в это время проживало 1757 тыс. уроженцев других районов СССР, или 27,6 % всего населения Западной Сибири. Среди взрослого населения мигранты составляли большинство [Переведенцев, 1965, с. 6–7].

В истории формирования регионального сообщества 1930-е гг. были отмечены форсированной индустриализацией, насильственной коллективизацией и усилением репрессий. Всесоюзная перепись населения 1939 г. зафиксировала в Сибирском регионе 14 309,4 тыс. чел. (по административно-территориальному делению 1938 г.), что в 1,3 раза больше по сравнению с 1926 г. Первую пятерку народов края составили (в порядке убывания численности): русские, украинцы, татары, белорусы и немцы. Динамика численности населения Сибири на протяжении всего XX в. была гораздо более интенсивной, чем в среднем по России.

Потоки беженцев и спецпереселенцев продолжали формировать этнодемографический потенциал региона. Здесь возникали этнические анклавы мордвы, чувашей, немцев и казахов. В связи с наступившим вслед за коллективизацией и голодом исходом населения из пограничных с Западной Сибирью районов Казахстана число казахов в 1939 г. увеличилось по сравнению с 1926 г. на 116 %; в результате этот народ, согласно переписи, занял 7-е место в этнодемографическом составе края. Значительно выросло число чувашей. В пределах Западной Сибири они проживали, как правило, совместно с русскими, мордвой и марийцами. Существовали и однонациональные селения [Коровушкин, 1997, с. 12].

Наибольшая доля среди титульных национальностей союзных республик СССР в межпереписной период 1939–1959 гг. была зафиксирована у белорусов, переместившихся, тем не менее, на пятое место. Их общая численность в регионе увеличилась на 119 %. Русское население увеличилось на 59 %, а украинское – уменьшилось на 13 %. Имея положительную динамику, 3-е место сохранили за собой татары, 4-е – мордва, 6-е – немцы. Замыкали десятку чувашаи, евреи и поляки (табл. 16.1).

Этнодемографическая динамика в Сибири оставалась очень высокой. За 1926–2002 гг. число жителей в Сибири выросло в 2,2 раза, в то

Таблица 16.1

Динамика численности народов, превысивших 10 тыс. чел. в Сибири с 1939 г. по 1959 г., тыс. чел.*

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
Народ	1959 г.	1939 г.	Народ	1959 г.	1939 г.
Мордва	87,0	133,9	Русские	13972,9	11804,3
Казахи	85,4	105,6	Украинцы	647,8	646,8
Эстонцы	28,2	31,0	Немцы	491,3	109,1
Поляки	26,8	38,0	Татары	250,5	246,2
			Белорусы	120,1	109,2
			Чуваши	92,7	79,6
			Евреи	58,9	45,0
			Литовцы	43,2	4,2
			Латыши	30,7	21,6
			Молдаване	11,6	2,1

Источник: Данные этнодемографического состава Сибири по Всесоюзной переписи населения 1939 г. приведены согласно административно-территориальному делению 1938 г. (без учета Тюменской обл.).

*Здесь и далее расчеты приведены в границах СФО.

время как в России – в 1,6 раза [Кисельников, 2005, с. 38]. В 1926–1939 гг. удельный вес естественного прироста в общем приросте городского населения края составил 13,3 % [Переведенцев, 1965, с. 53]. Сельское население увеличивало свою численность только путем самовоспроизводства. Миграции в формировании сельского населения играли отрицательную роль, причем отток в города с каждым десятилетием увеличивался. С 1926 по 1959 г. миграция определяла около 90 % всего прироста городского населения [Переведенцев, 1965, с. 14]. Миграционный обмен с союзными республиками, игравший в целом для Сибири отрицательную роль, содействовал расширению полиэтничного состава сибирских городов.

Демографические процессы предвоенных и военных лет в Сибири имели отчетливую этническую составляющую. Массовая эвакуация населения из европейской части России, насильственная депортация, нарушение хода естественного воспроизводства и прямые потери сибиряков на фронтах Великой Отечественной войны определили долговременные тенденции динамики этнодемографической структуры региона. Несколько крупных волн депортации сформировали немецкое население Сибири. В 1942 г. численность высланных немцев в регионе определялась в 397,1 тыс. чел. [Белковец, 2003, с. 48–50]. Немецкое население сконцентрировалось в южных районах Сибири – Омской, Новосибирской и Кемеровской областях. Накануне и в начале войны в Сибирь было выслано несколько десятков тысяч латышей и эстонцев [Лоткин, 1996, с. 44–45]. Местами спецпоселения латышей в Сибири были выбраны районы Красноярского края (7,5 тыс. чел.), Новосибирской, Омской и Томской областей. Еще 36,4 тыс. чел. были высланы в Омскую и Томскую области в 1949 г. [Петроченко, 2004, с. 121–123].

События военных лет, эвакуация, непрерывный миграционный прирост в 1950-е гг. существенно изменили численность и этническую струк-

Таблица 16.2

Динамика численности народов, превысивших 10 тыс. чел.
в Сибири с 1959 по 1979 г., тыс. чел.

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
Народ	1979 г.	1959 г.	Народ	1979 г.	1959 г.
Украинцы	534,2	647,8	Русские	16662,3	13972,9
Немцы	438,1	491,3	Татары	281,5	250,5
Мордва	60,2	87,0	Белорусы	122,3	120,1
Евреи	38,9	58,9	Чуваши	93,7	92,7
Латыши	20,2	30,7	Молдаване	12,1	11,6
Поляки	19,3	26,8	Цыгане	11,9	9,4
Эстонцы	18,7	28,2	Армяне	11,1	7,8
Литовцы	11,1	43,2	Азербайджанцы	10,2	4,8
			Узбеки	12,9	5,1
			Казахи	101,4	85,4

туру населения региона. Согласно Всесоюзной переписи 1959 г., население Сибири увеличилось до 18 040,1 тыс. чел. Впервые численность городского населения превысила сельское. Разница составила 1,7 %.

Многонациональное сообщество края включало коренное население, народы, исторически проживавшие в европейской части страны в рамках своих административно-территориальных образований, а также народы, имевшие государственность за пределами России. Согласно данным переписи населения 1959 г. первая пятерка народов Сибири подверглась значительным перестановкам по сравнению с 1939 г. Немцы, занимавшие последнее место, вышли на третью позицию. Четвертое и пятое места принадлежали соответственно татарам и белорусам (табл. 16.1).

Значительное увеличение численности в межпереписной период демонстрируют народы, насильственно переселенные за Урал. Главным образом, это немцы, латыши, литовцы и евреи. Существенным фактором роста такой численности стал высокий уровень рождаемости в послевоенные годы. Сокращение представительства эстонцев и поляков было связано с реэмиграцией на историческую родину (численность этих этносов, так же как латышей и литовцев, в регионе уже не увеличивалась).

С 1939 г. Сибирь и Дальний Восток становятся самым крупным регионом расселения украинцев. Увеличение их численности в послевоенные годы было связано с активизацией внутрисибирской и межрегиональной рабочей миграции, вызванной, главным образом, развитием нефтегазовой и других добывающих отраслей промышленности. Но в целом в период 1956–1959 гг. интенсивность движения в Сибирь населения из союзных республик была в 2–6 раз ниже, чем из различных районов РСФСР.

Приток населения в Сибирь в 1950-е гг. давали все районы РСФСР, кроме Урала; а все национальные союзные республики, кроме Белоруссии, вносили свой вклад в отток население [Переведенцев, 1965, с. 77]. Наибольший приток в города западносибирского региона происходил из центральных районов, Дальнего Востока и Северо-Запада России,

наибольший отток – в Казахстан, на Украину, в Среднюю Азию [Переведенцев, 1965, с. 35].

Распад СССР, суверенизация союзных республик в последней трети XX в., политическая и экономическая нестабильность стран СНГ в корне изменили направления миграционных потоков, ставших международными. В значительной степени процесс трансформации системы размещения населения можно проследить, начиная с межпереписных периодов 1959–1979 гг. и 1979–1989 гг.

В 1960–1970-е гг. в масштабах Сибири была сделана ставка на развитие научного и энергетического потенциала. Городское население первой пятерки народов Сибири продолжало пополняться как за счет села, так и межрегиональной миграции. В число народов первой пятерки, большинство которых проживало в сельской местности, в 1959 г. входили только немцы и казахи.

Основной пик казахской миграции в города и малые городские поселения пришелся на период с 1979 по 1989 г. Между переписями 1959 г. и 1989 г. в границах Омской и Новосибирской областей городское казахское население увеличилось с 15,5 до 42,6 % [Ахметова, 2002, с. 25]. В целом по областям региона темпы урбанизации были различными, но к концу периода интенсивное снижение доли сельских жителей среди казахов отмечалось повсеместно. К 2002 г. преимущественно сельскими жителями остались только немцы.

По результатам переписи 1979 г. значительно снизили свое представительство пять народов из первой десятки национального состава Сибири: украинцы (2-е место в десятке) на 17,5 %, немцы (3-е место) на 10,8 %, мордва (8-е) на 30,8 %, евреи (9-е) на 33,9 % и латыши (10-е) на 34,2 %. Среди народов, увеличивших численность, были: русские (1-е место) – на 16,1 %, татары (4-е) – 11 %, белорусы (5-е) – 1,8 %, казахи (6-е) – 15,8 % и чуваша (7-е) – 1,1 %. Наиболее интенсивную динамику численности продемонстрировали народы союзных республик, превысившие в регионе 10 тыс. чел.: узбеки (60,5 %), азербайджанцы (52,9 %) и армяне (29,7 %) (табл. 16. 2). Последние два народа, по данным переписи 2010 г., входят в первую десятку этнодемографического состава СФО. Их численность в регионе, главным образом в крупных городских поселениях, непрерывно повышается.

Появление азербайджанцев в Сибири связано с организацией нефтяных промыслов и развитием рыночной торговли. В крупных сибирских городах азербайджанцы, помимо большой численности, отличаются организованностью общин, многие из них имеют высокий образовательный ценз. Армянское присутствие в ряде районов Сибири уже с середины XX в. характеризуется как долгосрочное, хотя и связанное с сезонными работами. Значительное увеличение численности армян в регионе объясняется событиями конца 1980-х – начала 1990-х гг. Землетрясение 1988 г., военные действия в Нагорном Карабахе, распад СССР, тяжелая экономическая ситуация в Армении послужили причинами увеличения миграции армян в Россию, в частности в сибирские города [Этнические группы..., 2003, с. 39].

Активное наращивание городского потенциала за счет сельского населения в 1970–1980-х гг. перешло в интенсивную фазу. Изменение этнической структуры региона, по данным переписей 1979 и 1989 гг., в целом соответствует тенденции перераспределения населения в пользу города. Сельское население наиболее многочисленных народов сокращалось, а городское представительство первой десятки неуклонно росло. За 1970–1985 гг. городское население Сибири в целом увеличилось на 4,3 млн чел. (36,2 %), а сельское сократилось почти на 1 млн чел. (13 %) [Иностранные мигранты..., 2006, с. 39].

Выезд из сельской местности в город увеличился с падением уровня социально-экономического благосостояния деревни. Бывшие ранее этнически однородными поселения стали терять свою специфику, редеть или исчезать вовсе. Важные последствия для этнодемографической структуры населенных пунктов с выраженной долей одного этноса имела кампания по укрупнению хозяйств и ликвидации «неперспективных» деревень. Перемещения сельского населения привели к большой дисперсности в расселении компактно проживающих народов; это ускорило этноассимиляционные процессы.

К 1970 г. в Западной Сибири были известны населенные пункты с преобладанием одного из 22 народов. К 1990 г. исчезли моноэтнические польские, калмыцкие, ненецкие села. Имеется прогноз, что при сохранении действующих тенденций изменения состава народонаселения в ближайшем будущем исчезнут литовские, белорусские, селькупские и латышские села [Фукс, 2003, с. 100].

В результате реализации программы укрупнения сел активизировалась миграция латышей и эстонцев из Сибири и произошло сокращение их численности в регионе в 1970–1980-х гг. [Лоткин, 1996, с. 49]. Интенсивно происходил процесс размывания чувашского этноса. На территории Западной Сибири, по данным 1989 г., чуваша были расселены наиболее дисперсно в Новосибирской и Омской областях [Коровушкин, 1997, с. 16–17].

К 1989 г. в первой десятке произошло сокращение чувашей, мордвы и евреев. Латыши уступили место азербайджанцам (табл. 16.3).

Высокие темпы роста в первой пятерке за межпереписной период продемонстрировали украинцы и белорусы. Увеличению численности этих народов в Сибири до конца 1980-х гг. способствовало интенсивное развитие топливно-энергетического и транспортного комплексов. Однако уже следующая перепись населения зафиксировала высокие темпы снижения численности славянских народов. Помимо действующих отрицательно миграционных факторов, на уменьшение украинской и белорусской диаспор Сибири оказали влияние низкий уровень рождаемости и смена этнической идентичности – при переписи населения представители этих народов зачастую называли себя русскими.

С распадом СССР широкие масштабы принимает этническая эмиграция. Получение суверенитета бывшими республиками СССР и автономиями, входящими в состав РФ, активизировало выезд представителей титульных этносов. В результате сибирские территории потеряли

Таблица 16.3

Динамика численности народов, превысивших 10 тыс. чел. в Сибири с 1979 по 1989 г., тыс. чел.

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
Народ	1989 г.	1979 г.	Народ	1989 г.	1979 г.
Чуваши	91,0	93,7	Русские	18 152,6	16 662,3
Мордва	56,3	60,2	Украинцы	603,1	534,2
Евреи	29,6	38,9	Немцы	453,2	438,1
Поляки	17,3	19,3	Татары	288,8	281,5
Эстонцы	16,5	18,7	Белорусы	138,8	122,3
Латыши	15,2	20,2	Казахи	124,4	101,4
			Азербайджанцы	33,2	10,2
			Армяне	24,5	11,1
			Молдаване	20,6	12,1
			Цыгане	14,6	11,9
			Литовцы	11,3	11,1
			Узбеки	23,7	12,9

значительное число украинцев, белорусов, мордвы и чувашей. В 1989–2002 гг. в Сибири значительно сократилась численность немцев, евреев и эстонцев.

Наиболее интенсивный обмен населением в 1993 г. Западная Сибирь имела с Беларусью, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Украиной. При этом регион терял население только в обмене с Беларусью [Население России на рубеже..., 2002, с. 262]. Компенсация демографических потерь в последние годы осуществлялась почти исключительно за счет русскоязычного населения новых республик Центральной Азии, трудовых мигрантов и вынужденных переселенцев из стран СНГ.

В межпереписной период 1989–2002 гг. численность населения России уменьшилась на 1,3 %, а СФО – на 5 %. В 2000 г. среди семи регионов с ростом населения по всей России в СФО была отмечена только Республика Алтай [Население России на рубеже..., 2002, с. 206]. Вместе с тем эмиграция из России в страны дальнего зарубежья до 1998 г. носила узкоэтнический характер – регионы интенсивно теряли немецкое, еврейское и в значительно меньшей степени армянское население. На рубеже XX–XXI вв. в этнической структуре эмиграции стали абсолютно преобладать русские, значительно расширившие географию мест оседания российских мигрантов.

В начале 2000-х гг. состав наиболее значительных по численности народов Сибири существенно изменился. Восемь представителей первой десятки СФО, согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., значительно сократили численность (табл. 16.4).

Русское население, несмотря на существенный миграционный прирост в СФО из государств СНГ, уменьшилось на 3,4 %, украинское – на 38 %, немецкое – на 32 %, татарское – на 12,5 %. В первой пятёрке незначительно уменьшилось только казахское население. Одновременно нарастающими темпами увеличивается численность народов, прожи-

Таблица 16.4

Динамика численности народов, превысивших 10 тыс. чел.
в Сибири с 1989 по 2002 г., тыс. чел.

Народы, уменьшившие численность			Народы, увеличившие численность		
Народ	2002 г.	1989 г.	Народ	2002 г.	1989 г.
Русские	17530,9	18152,6	Азербайджанцы	60,7	33,2
Украинцы	373,1	603,1	Армяне	60,3	24,5
Немцы	308,7	453,2	Таджики	17,4	6,0
Татары	252,6	288,8	Цыгане	16,2	14,6
Казахи	123,9	124,4	Киргизы	11,8	9,1
Белорусы	82,4	138,8			
Чуваши	62,2	91,0			
Мордва	33,7	29,6			
Молдаване	14,8	56,3			
Евреи	14,5	29,6			
Поляки	13,7	17,3			
Эстонцы	11,4	16,5			
Узбеки	16,8	23,7			

вавших в основном за пределами РФ. В 1939–2002 гг. численность азербайджанцев в регионе увеличилась в 50 раз, армян в – 20, киргизов – в 16 и узбеков – в 9 раз.

К 2002 г. в первую десятку народов региона попали армяне, вытеснив евреев. Ближайшим претендентом на десятую позицию, занимаемую в 2002 г. мордвой, стали таджики.

Высокая динамика численности среднеазиатских и закавказских диаспор региона объясняется интенсивной миграцией. В 1993–2004 гг. в СФО из Киргизии прибыло 48 тыс. чел., из Узбекистана – 44,6 тыс., из Таджикистана – 20,7, из Азербайджана – 14,6, из Армении – 13,9 тыс. чел. [Иностранцы..., 2006, с. 54–55].

При этом перспективы сохранения демографического баланса Сибири за счет миграции из стран ближнего зарубежья остаются неоднозначными. Оценка истинной численности диаспор затруднена. Существенными характеристиками миграции остаются сезонность и нелегальность. Кроме того, для значительной части мигрантов пребывание в регионе является адаптационным периодом на пути в европейскую часть страны и далее. Длительность их присутствия в субъектах СФО обусловлена степенью адаптации и интеграции в современную урбанизированную среду.

В 2010 г. первая пятерка в этнической структуре СФО – русские, украинцы, немцы, татары и казахи – сохранила порядок, установившийся еще к 1989 г. Однако значительное снижение численности каждого из народов первой пятерки и одновременное масштабное увеличение доли выходцев из Средней Азии и Закавказья обусловило продолжение интенсивного размывания исторически сложившегося этнодемографического баланса в отдельных регионах Сибири.

При сохранении общего этносоциального облика края и укреплении этнополитического статуса отдельных коренных народов и старо-

Таблица 16.5

Этнодемографический состав СФО в 2010 г., тыс. чел.

Субъект СФО	Русские	Украинцы	Немцы	Татары	Казахи
Республика Алтай	114,8	1,0	0,7	0,4	12,5
Республика Бурятия	630,6	5,6	1,0	6,7	0,7
Республика Тыва	49,4	0,5	0,1	0,4	0,1
Республика Хакасия	427,6	5,0	6,0	3,1	0,4
Алтайский край	2234,3	32,2	50,7	6,8	8,0
Забайкальский »	977,4	6,7	0,8	5,9	0,6
Красноярский »	2490,7	38,0	22,4	34,8	2,00
Иркутская область	2219,9	30,8	3,7	22,9	1,0
Кемеровская »	2536,6	22,2	23,1	40,2	1,7
Новосибирская »	2365,8	22,1	30,9	24,2	10,7
Омская »	1648,1	51,8	50,1	41,9	78,3
Томская »	922,7	11,3	8,7	17,0	1,7
Итого по СФО	16 618,1	227,3	198,1	20,4	117,5

Источник: Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (публикационные таблицы). Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2010 г. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 06.08.13).

жильческих диаспор географические и историко-культурные факторы существенно дифференцируют этнодемографические процессы субъектов округа последнего десятилетия.

Республики Алтай, Бурятия и Хакасия демонстрируют стабильный рост коренных народов при незначительной доле этнических групп, имеющих государственность за пределами России. При этом (за исключением русских, традиционно возглавляющих национальный перечень всех регионов Сибири, кроме Тывы), остальные народы первой пятерки, широко расселенные по всем субъектам СФО, в большинстве случаев уступают позиции лишь коренным сибирякам. По этим показателям республики Южной Сибири сближаются с Иркутской областью и Забайкальским краем. Например, второе место в Республике Бурятия, Забайкальском крае и Иркутской области занимают буряты (соответственно, 30 %, 6,8 и 3,3 %).

Другая группа территорий характеризуется абсолютным преобладанием теряющего численность русского населения, традиционно взаимодействующего с народами, имеющими свои автономии в европейской части и также снижающими в Сибири свое представительство за счет естественных демографических процессов и продолжающегося оттока населения.

Особого внимания заслуживает Новосибирская область, удобно расположенная географически в окружении субъектов округа и одновременно имеющая южную международную границу. Показатели этнодемографического развития Новосибирска – столицы федерального округа и крупнейшей агломерации за Уралом, интенсивно стягивающей экономически активное население, во многом аккумулируют макрорегиональные тенденции.

Таблица 16.6

Миграция населения в Новосибирской области в 2010 г. и численность вынужденных переселенцев

Территория	Прибывшие	Выбывшие	Миграционный прирост (убыль)	Численность вынужденных переселенцев и беженцев
РФ	2 102 304	19 442 26	158 078	2890
СФО	35 094	355 068	-4974	5401
Республика Алтай	4927	4811	116	102
Республика Бурятия	20 151	23 386	-3235	68
Республика Тыва	8030	9781	-1751	-
Республика Хакассия	12 776	13 280	-504	111
Алтайский край	44 655	48 942	-4287	1112
Забайкальский »	19 298	24 180	-4882	22
Красноярский »	62 090	59 864	2226	652
Иркутская область	36 571	42 115	-5544	359
Кемеровская »	42 167	41 630	537	896
Новосибирская »	49 012	39 006	10 006	988
Омская »	27 857	30 485	-2628	737
Томская »	22 560	17 588	4982	352

Источник: Социальное положение и уровень жизни..., 2011, с. 64.

По миграционному приросту Новосибирская область является абсолютным лидером на фоне остальных регионов СФО, привлекая почти три четверти миграционного потока (табл. 16.6). При этом масштаб, интенсивность, социальная структура и демографические показатели иммиграции, коренным образом изменившиеся с распадом СССР, существенно отличаются от аналогичных показателей принимающего сибирского сообщества.

Национальный состав Новосибирской области резко изменился между переписями 1979 и 1989 гг. Разделив переписи населения на две группы – 1939–1979 гг. и 1989–2010 гг., можно выделить два существенно различающихся списка народов из первой десятки постоянного населения Новосибирской области, что позволит существенно детализировать этнодемографическую динамику федерального округа в целом. Первый список отражает различные долговременные процессы, складывавшиеся в Сибири (табл. 16.7).

Ряд народов, представленных в списке, уже не входит в перечень десяти наиболее многочисленных групп СФО, согласно данным последней переписи (табл. 16.8).

В частности, в результате широкомасштабной миграции последней четверти XX в. из Сибири выехало несколько тысяч евреев, традиционно наиболее урбанизированных и занимавшихся в сибирских городах торговой и финансовой деятельностью; в основном они проживали в относительно старых крупных городах. Присутствие в первой десятке эстонцев отражает отголоски, во-первых, раннего проникновения в Сибирь прибалтийского населения за счет ссылки в период освоения реги-

Таблица 16.7

Динамика численности первых десяти народов Новосибирской области в 1959–1979 гг., тыс. чел.

Народ	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1979 г. в % к 1959 г.
Русские	2057,9	2286,5	2407,2	117,0
Немцы	78,8	67,9	64,9	82,4
Украинцы	62,3	47,6	47,0	75,4
Татары	24,9	28,8	28,5	114,4
Казахи	13,3	12,2	11,8	88,7
Белорусы	11,7	12,0	11,6	99,1
Евреи	12,4	11,9	9,6	77,4
Чуваши	7,8	8,0	6,7	85,9
Мордва	7,0	5,9	4,7	67,1
Эстонцы	78,6	2,7	2,3	2,9

Источник: Национальный состав населения в 1959–2002 годах (по данным переписей населения) // Новосибирской области 70 лет: юб. стат. сб. – Новосибирск, 2007. – 448 с. – С. 74–75.

она, во-вторых, беженцев и военнопленных Первой мировой войны, и, в третьих, сталинских депортаций. Уже по результатам следующей переписи прослеживается значительное сокращение этой диаспоры за счет возвращения в собственную союзную республику.

После 1979 г. ситуация стала быстро меняться. Из первой по численности десятки народов, участвовавших в сельскохозяйственном и индустриальном освоении Сибири, вышли ряд славянских, европейских, финно-угорских и тюркских народов.

Таблица 16.8

Динамика численности первых десяти народов Новосибирской области в 1989–2010 гг., тыс. чел.

Народ	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2010 г. в % к 1989 г.
Русские	2556,9	2504,1	2365,8	92,5
Немцы	61,5	47,3	30,9	50,2
Татары	29,4	27,9	24,1	82,0
Украинцы	51,0	33,8	22,1	43,3
Узбеки	2,2	2,0	12,6	572,7
Казахи	12,3	11,7	10,7	87,0
Таджики	0,7	2,8	10,0	142,8
Армяне	2,3	7,8	9,5	413,0
Азербайджанцы	3,6	7,4	8,0	222,2
Киргизы	1,1	1,4	6,5	590,9

Источник: Национальный состав населения в 1959–2002 годах (по данным переписей населения) // Новосибирской области 70 лет: юбилейный статистический сборник. – Новосибирск, 2007. – 448 с. С. 74–75; Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области [Электронный ресурс] / Национальный состав населения по субъектам Сибирского федерального округа. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Новосибирской области. – URL: http://www.novosibstat.ru/2010/%D0%9E%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%87%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8_1.aspx

Таблица 16.9

Динамика этнодемографического состава Сибири с 1939 по 2002 г., тыс. чел.

Национальности	1939	1959	1979	1989	2002	2010
Русские	11 804,3	13 972,9	16 662,3	18 152,6	17 530,9	16 618,1
Украинцы	646,8	647,8	534,2	603,1	373,1	227,4
Татары	246,2	250,5	281,5	288,8	252,6	204,3
Немцы	109,1	491,3	438,1	453,2	308,7	198,1
Казахи	105,6	85,4	101,4	124,4	123,9	117,5

Источник: Официальные данные переписей населения за соответствующие годы.

Вместе с тем в 1989–2010 гг. в первую десятку состава народонаселения Новосибирской области вошли нетрадиционные для региона представители Средней Азии и Закавказья. Только эта группа народов значительно наращивала численность, начиная с конца 1989 г.; а формирование диаспор азербайджанцев и армян началось, по крайней мере, десятилетием ранее. Остальные народы первой десятки существенно (русские, татары, казахи) или значительно (немцы, украинцы) снизили свое представительство в Новосибирской области и в Сибири в целом, что было связано с миграционным исходом.

Согласно материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. интенсивная динамика численности и удельного веса диаспор Сибири определила тенденции в изменении этнодемографической структуры макрорегиона, фиксировавшиеся еще в предыдущем межпереписном периоде. Этносоциальный облик диаспор имел как специфические, так и общие черты.

Русское население Сибири, в том числе территорий, входящих в СФО, формировалось на протяжении XVI–XX вв. В различных природно-ландшафтных зонах огромного края их базовая культурно-хозяйственная модель, в которой сочетались земледелие, скотоводство и промыслы, существенно трансформировалась. В ходе освоения технологий коренного населения происходила адаптация поселенцев. Процесс порой развивался в условиях активного двуязычия на фоне метизации. Многовековой опыт адаптации и межэтнических взаимодействий определил этнокультурный и этносоциальный потенциал русских Сибири. К началу XXI в. русские устойчиво формировали основу населения СФО (кроме Республики Тыва). Их численность по переписи 2002 г. составляла 17,5 млн чел. – 87,3 % всего населения СФО; из них в городе проживало 73,1 %. В 2010 г. удельный вес русских в регионах Сибирского федерального округа увеличился, составил 88,5 %. При этом абсолютная численность уменьшилась на 912,8 тыс. чел.

Украинцы входят в славянскую группу народов СФО и традиционно взаимодействуют с русскими и белорусами в основных этнических и миграционных процессах, связанных с формированием социально-демографической структуры региона. Проникновение украинцев в Сибирь начинается на ранних этапах освоения края и становится особенно интенсивным в конце XIX – начале XX в. в связи с проблемой земельного

дефицита в южных и центральных регионах Российского государства. На протяжении XX в. одновременно с трансформацией традиционных хозяйственно-культурных моделей украинцев в Сибири увеличивалась дисперсность их расселения. В настоящее время украинцы проживают практически во всех регионах России. СФО остается одним из самых «украинских»: в 2002 г. на него приходилось 373,1 тыс. представителей этого народа – 1,86 % населения округа. В 2010 г. численность украинцев в Сибири уменьшилась на 145,8 тыс. чел., составив 227,3 тыс. чел. В восьми из 12 регионов СФО на третьем месте находятся украинцы (наибольшая доля в Омской области – 2,7 %).

Немцы также представлены во всех регионах России. В 2002 г. в России постоянно проживало 597,2 тыс. немцев – около 0,4 % населения страны. При этом около 50 % немцев обосновались на территории СФО, составляя 1,5 % населения округа. Распределение здесь немецкого населения вплоть до рубежа XX–XXI вв. отражало реалии размещения ссыльного и трудармейского контингентов по территориям Западной Сибири. Так, преобладание городского немецкого населения в Кемеровской области стало итогом использования спецконтингента в промышленном освоении Кузбасса в военные годы. Но большая часть немцев в первой половине XX в. была сосредоточена в сельских районах Сибири. В 2002 г. впервые численность «городских» значительно превысила численность «сельских» немцев и составила 339 тыс. чел. В результате миграций 2010 г. численность всех немцев в СФО значительно снизилась – до 198,1 тыс. чел. При этом в Алтайском крае и Новосибирской области немцы сохранили вторую позицию в национальном составе (2,1 и 1,2 % соответственно).

Татары занимали второе место по численности среди народов России; в СФО – четвертое. Татарский этнос традиционно обладает в России высоким социальным и образовательным цензом. Культура татар отличалась вариативностью, объединяя как традиционные аграрные модели, ориентированные на земледелие и скотоводство, так и стандарты унифицированной индустриальной культуры. Это определило высокие адаптивные возможности сообщества, которое освоило различные территории страны – от земледельческих районов Поволжья до нефтяных промыслов Севера Сибири и прочно интегрировалось в полиэтничное пространство страны. В настоящий момент татары являются одним из самых урбанизированных народов СНГ. По данным переписи 2002 г. численность проживающих в городе татар в 2,2 раза превышала их количество в сельской местности, составляя 3795,3 тыс. чел. против 1759,3 тыс. на селе. Около 4,5 % российских татар – 252,6 тыс. – проживали в СФО, составляя 1,3 % населения округа. В 2010 г. татары насчитывали 204,2 тыс. чел., т.е. их представительство уменьшилось на пятую часть. Наиболее значительные по численности области проживания татар – Кемеровская и Томская, доля татар здесь составляет соответственно 1,5 и 1,7 %.

Казахи – один из тюркоязычных этносов, широко представленных в полиэтничном сообществе России, прежде всего в ее пограничных регионах. По данным переписи населения в 2002 г. в России постоянно

проживало 654 тыс. казахов, или 0,45 % всего населения. При этом значительная их часть – 61,7 % – находилась в сельской местности. Традиционно казахи ориентировались на аграрные сферы экономики с преобладанием животноводства; хотя с 1960-х гг. неуклонно росла численность тех, кто интегрировался в различные сферы индустриального общества. В 2002 г. в СФО казахи достигли 123,9 тыс. чел. (около 0,6 % населения); по численности они впервые превзошли белорусов и, заняв пятое место, вошли в число лидеров. При этом зоной приоритетного расселения казахского этноса в России, включая СФО, остались территории, граничащие с Казахстаном. В 2010 г. это были Омская область, Алтайский край и Новосибирская область. В Сибири проживало 112,7 тыс. казахов, потерявших меньше всего населения в первой пятерке народов СФО (11,2 тыс. чел.).

Системный анализ широкого спектра параметров, характеризующих современное полиэтничное сообщество СФО, позволяет сделать ряд выводов. Можно говорить о том, что изменения в сложившихся во второй половине XX в. этнодемографических структурах в СФО привели к сокращению демографического и трудового потенциала основных этнических сообществ. Важным фактором такого уменьшения стал отрицательный естественный прирост населения, величину которого определяли снижающийся показатель рождаемости и рост смертности.

Среди лидирующих по численности народов СФО простой тип воспроизводства реализуется только у казахов, остальные этнические сообщества имеют суженный тип воспроизводства населения, а у русского населения сложившийся к настоящему времени уровень рождаемости только на 70 % обеспечивает уровень простого воспроизводства.

Динамические сдвиги в уровне рождаемости проявляются в выравнивании показателя рождаемости среди различных этнических групп при общей тенденции его сокращения для различных поколений (когорт) женщин. При переходе от старших возрастных групп к младшим уменьшается общее число рождений на 1000 женщин и все более нивелируются различия по уровню рождаемости между различными этническими сообществами. Например, если для возрастной группы женщин старше 70 лет максимальный разброс среднего числа рождений составлял 2,4 раза (казахи и русские), то для группы 20 – 29 лет – 1,06 раза (украинцы и русские).

Изменения количественных параметров этнодемографической структуры СФО сопровождались трансформацией качественных характеристик, включая уровень образования и профессиональной подготовки. По итогам переписи 2002 г. профессиональное образование по СФО имели 58,2 % (по РФ – 59 %) народонаселения. Прежде всего это специалисты с высшим образованием, занимавшие в образовательной структуре СФО 13,8 % (по РФ – 15,7 %), а со средним профессиональным образованием – 27,3 % (по РФ – 27,1 %).

Славянские этносы СФО, прежде всего русские и украинцы, составляющие в общей численности населения округа 93,5 %, характеризуются наиболее высоким образовательным уровнем. Причем украинцы

занимают ведущие позиции по профессиональному, в том числе высшему и среднему образованию. В целом образовательный потенциал украинского населения округа выше среднего уровня. Русское население СФО также обладает высоким образовательным статусом, ему принадлежит второе место по общему показателю по среднему (58,2 %) и высшему образованию (13,9 %).

В 2002 г. в СФО более половины татар (53,8 %) имели профессиональное образование, эта величина ниже средних по округу показателей. Наибольшая доля приходится на среднюю профессиональную подготовку (26,1 %), затем начальную профессиональную подготовку (14,6 %). Доля специалистов с законченным и неполным высшим образованием среди татар, проживающих в городской и сельской местности, составляла 12,9 %, а среди сельского населения – только 5,5 %.

В структуре народонаселения СФО относительно низким уровнем образования отличаются немцы, что объясняется долгим периодом сохранения по отношению к ним репрессивных социальных стандартов, отсутствием полноценной образовательной вертикали на родном языке и широкого информационного (языкового) пространства. Специалисты с законченным и неполным высшим образованием составляют среди немцев, проживавших в городской и сельской местности, только 10,6 %, а среди сельского населения – 5,3 %; эти показатели существенно ниже удельного веса всех жителей с аналогичным уровнем образования по округу.

Самый низкий уровень образования отмечен у казахов. Согласно переписи 2002 г. всего около 45 % казахов СФО имело профессиональное образование, из них специалисты со средней профессиональной подготовкой составляли 22,7 %, с начальной профессиональной подготовкой – 14,2 %. Очень низка у казахов доля специалистов с высшим образованием: в городской местности – всего 6,5 %, а среди сельского населения – 4 %.

Уменьшение в СФО численности русских, украинцев и татар, адаптированных к урбанизированной культуре и имевших высокий уровень образования, определило ухудшение средних по округу показателей качества человеческого потенциала. На территории округа сформировался неэквивалентный миграционный обмен, за счет которого происходит снижение доли высококвалифицированных специалистов на рынке труда. В округ мигрирует население с низким уровнем образования из стран ближнего и дальнего зарубежья – Киргизии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Китая, Вьетнама и Северной Кореи. Представители титульных этносов этих стран заполняют пустующие ниши на рынке труда, выполняя малоквалифицированную работу.

При этом представители народов Азии обладают большим демографическим резервом, но, тем не менее, не имеют возможности компенсировать потери человеческого капитала при снижении профессионально-образовательного уровня в целом по региону вследствие несопоставимости своей численности с масштабами миграционных потерь.

Современные этносоциальные процессы Сибири соединяют в своем развитии тенденции культурного и политического самоопределения

этносов, с одной стороны, а также модернизации и интеграции – с другой. Происходит нивелирование социально-демографических характеристик диаспор относительно средних показателей при сохранении определенных различий.

Результаты исследований ИЭОПП СО РАН последнего десятилетия показывают, что уровень развития человеческого потенциала в Сибири, как и в России в целом, остается достаточно низким. Если в 1980-х гг. Россия входила в тридцатку стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала, то в 2011 г. она отодвинулась на 66-е место. В Сибири только Тюменская область имеет ИРЧП, соответствующий уровню развитых стран, а у четырех регионов (Бурятия, Алтай, Тыва, Читинская область) этот показатель ниже среднемирового. Нарастают естественная убыль и тенденция абсолютного сокращения численности населения вследствие ухудшения здоровья, повышения смертности и уменьшения рождаемости при резком снижении качества воспроизводства населения. Сегодня народонаселение СФО описывается совокупностью показателей, в том числе кризисных, которые характеризуют проблемные перспективы в развитии человеческого потенциала региона.

В этнодемографической сфере современного СФО сложились следующие тенденции, которые могут быть оценены с позиций риска:

- сокращение численности народонаселения округа в целом и отдельных этнических сообществ при невозможности компенсировать демографические потери за счет миграции;
- усиление этнической мозаичности с ориентацией на «ориентализацию» при большой вариативности и конкурентности социокультурных, языковых и конфессиональных стандартов;
- сохранение статусной (этнополитической) иерархии различных этнических сообществ при одновременном действии факторов поликультурности и интеграции;
- ухудшение качественных характеристик населения СФО и в перспективе – растущая конкуренция на рынке труда и социокультурной сфере, в том числе и по этническому признаку.

Глава 17**ВЫЗОВЫ И РИСКИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ МИГРАЦИИ
ДЛЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА**

Миграция в современной России во многом определяет перспективы ее политического и социально-экономического развития. Федеральные миграционные программы 1990–2000-х гг. получили развитие в Концепции государственной миграционной политики на период до 2025 г., утвержденной Президентом РФ 13 июня 2012 г. и обозначившей стратегию интеграции в качестве основного политического курса страны.

В этом документе подчеркивается, что за последние два десятилетия миграционный прирост компенсировал более половины естественной убыли населения РФ; и на перспективу при расчетном сокращении на начало 2025 г. жителей страны до 142,8–145,6 млн чел. Миграция с условием переселения на постоянное место жительства остается одним из источников увеличения их численности; а привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам является необходимостью для дальнейшего поступательного развития российской экономики.

По прогнозам Росстата миграционный приток к 2012–2030 гг. по инерционному среднему варианту возрастет многократно и составит 7,2 млн чел. – преимущественно выходцев из государств Средней Азии, которые по ИПЧР на 36–61 позицию уступают России [Мукомель, 2013, с. 2]. «В современных условиях, – говорится в Концепции государственной миграционной политики до 2025 г., – миграция работников высокой квалификации является важным источником накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост и благосостояние в принимающих странах. Не случайно конкуренция за привлечение таких работников имеет международный масштаб. Одна из стратегических задач – создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, прежде всего на долгосрочной основе» [Концепция государственной миграционной..., 2012].

Сибирский регион, занимая пограничное положение по отношению к внешним и внутренним рубежам России, по степени интенсивности миграций был и остается одним из ведущих в стране. В настоящее время миграция является одним из важнейших факторов демографического и социального развития СФО, одновременно формирующим риски развития человеческого потенциала (табл. 16.6).

Эта тенденция характерна для большинства территорий Сибири, в том числе для Новосибирской области. По данным федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области, в 2011 г. положительное сальдо миграции здесь обеспечивалось за счет внутрисибирского обмена (58 %) и притока мигрантов из стран СНГ (42 %).

Внешняя для области миграция в 2011 г. составила 40,6 %, в том числе миграционный оборот с регионами России – 34,8 %, со странами СНГ – 5,2 % и другими зарубежными странами – 0,6 %. Приток внешних мигрантов сократился на 3,4 %, а отток населения – на 3,3 %. Вследствие этого величина сальдо миграции снизилась на 3,7 % (в 2010 г. – на 22,8 %).

Миграционный прирост со странами ближнего и дальнего зарубежья увеличился за год на 1 тыс. чел., или в 1,3 раза; на 942 чел. (в 1,3 раза) увеличилось сальдо миграции за счет обмена населением со странами СНГ, а с другими зарубежными странами миграционная убыль сократилась на 91 чел. При этом за 2011 г. возросли потоки мигрантов по прибытию со странами СНГ на 899 чел. (на 25,1 %), со странами дальнего зарубежья на 53 чел. (в 1,2 раза).

В последние годы среди всех иммигрантов около 94 % составляли бывшие жители стран СНГ, 87 % из них являлись выходцами из Казахстана и Средней Азии. При значительном сокращении сохраняется отток населения в дальнее зарубежье. Основными странами эмиграции в дальнее зарубежье оставались Германия, США, Израиль [Миграция населения..., 2012, с. 6–7].

По данным на первое полугодии 2012 г. миграционная убыль населения СФО составила 899 чел. (табл. 16.6); наибольшие показатели наблюдались в Забайкальском крае, где число выбывших в другие государства и регионы Российской Федерации превысило количество прибывших на 2727 чел. Наибольший миграционный прирост был характерен для Новосибирской области – 7054 чел.

Характеристики экспертами растущей миграции в СФО и НСО варьируются в очень большом диапазоне – от высокой оценки с точки зрения экономической целесообразности до признания ее одним из наиболее значимых и плохо измеряемых конфликтогенных факторов.

Оценивая масштабы и значение миграции для современной России и ее отдельных регионов, аналитики подчеркивают, что в разное время доля мигрантов составляла от 7 до 10 % трудовых ресурсов страны (для сравнения в США – 15 %, в Швейцарии – 22 %). Что касается производимого трудовыми мигрантами совокупного продукта, то он, согласно данным В.А. Тишкова, составлял от 7 до 10 % ВВП России, что во много раз превосходит объем капиталов, отправляемых мигрантами в страны исхода [Тишков, 2012, с. 5].

В то же время в политических дискурсах 2000-х гг. на уровне глав регионов и комитетов Госдумы речь шла о риске «миграционного давления» и об угрозе сложившемуся межэтническому балансу. В этой связи приводились цифры нелегальных (нерегистрируемых) мигрантов, ко-

Таблица 17.1

Распределение мигрантов по территориям прибытия/выбытия с наибольшим миграционным приростом (убылью) для Новосибирской области 2012 г.

Территория	Число прибывших		Число выбывших		Миграционный прирост	
	всего	в том числе по месту жительства	всего	в том числе по месту жительства	всего	в том числе по месту жительства
Российская Федерация	66 834	47 659	58 076	42 037	8758	5622
Центральный федеральный округ	1226	871	3284	2226	-2058	-1355
Северо-Западный федеральный округ	489	336	1190	667	-701	-331
Южный федеральный округ	727	547	1855	1144	-1128	-597
Сибирский федеральный округ	56 859	40 762	46 398	34 820	10 461	5942
Дальневосточный федеральный округ	3772	2510	1553	729	2219	1781
Международная миграция	13 811	4782	768	768	13043	4014
Страны СНГ	10 219	4485	467	467	9752	4018
Армения	597	214	13	13	584	201
Казахстан	3393	1760	282	282	3111	1478
Киргизия	2358	1446	42	42	2316	1404
Таджикистан	1385	376	4	4	1381	372
Узбекистан	1537	312	2	2	1535	310
Другие страны	3592	297	301	301	3291	-4
Грузия	174	41	-	-	174	41
Израиль	17	12	16	16	1	-4
Китай	2571	13	-	-	2571	13
Соединенные Штаты	20	10	32	32	-12	-22

Источник: [Миграция населения..., 2012, с. 13].

торые, по разным оценкам, составляли от 2 до 12 млн чел. По данным Федеральной миграционной службы, в 2010 г. в России находилось около 5 млн иностранных граждан, из которых на законных основаниях трудились около 1 млн чел. В Концепции государственной миграционной политики до 2015 г. нелегальная миграция оценивается в 3,5 млн чел.; экспертная консенсус- числа нелегальных мигрантов – 2,4 млн чел. [Тишков, 2012; Мукомель, 2013, с. 6].

Неконтролируемый в полном объеме (несмотря на многочисленные постановления) характер миграции формирует ожидаемые риски. По мнению одного из ведущих специалистов по этнополитической истории Сибири, проф. М.В. Шиловского, высказанного в интервью НГС.

НОВОСТИ 8.06.2012 г.: «Пока социум может переваривать национальную диаспору, все нормально. Чем больше представителей нерусских этносов становится, тем плотнее почва для конфликтов. Нынешняя ситуация мне очень сильно напоминает период русской революции 1905 года. Тогда малые этносы начали выдвигать идею национального, культурного самоопределения. Тогда буряты, алтайцы, якуты заговорили об автономиях, обострился антисемитизм, и националистические настроения тогда были такими же распространенными» [Маковеев, 2012].

Этнический риск, обозначенный в связи с развитием миграции в формате прогноза на уровне экспертной оценки, во многом отражает общественное мнение, сложившееся в регионе. Анализ статистики при этом приводит к более сдержанным оценкам. Согласно данным переписи населения 2002 г., в Новосибирске проживают представители 129 народов (этнических групп); из них русские составляют 93,8 % населения, а остальные народы – 5,2 % населения города.

Расчет индекса полиэтничности (на основе подсчета количества условных этнических групп доминирующего численного состава) позволяет аналитикам констатировать, что в среднем по России этот индекс имеет довольно значительную величину – 7,4, но существенно различается по федеральным округам. Для СФО он составляет 10,5, в ЮФО и ДВФО немного ниже 5; а в остальных округах еще ниже – 3–4 [Этнополитическая ситуация..., с. 252–253].

«Что касается роста или снижения этнического разнообразия населения, – отмечают авторы Ежегодного доклада EAWARN за 2010 г., то, учитывая данные переписей 1989 и 2002 гг...., показатели полиэтничности менее всего меняются в Северо-Кавказском ФО. Однако, по данным на прилегающих территориях – в Южном ФО этническое разнообразие населения возрастает наиболее быстрыми темпами по стране. На втором месте по увеличению разнообразия этнического состава – Центральный ФО. В прочих округах увеличение этнического разнообразия является незначительным, а на Дальнем Востоке разнообразие даже сократилось. Распространенный миф об особой роли иностранных мигрантов в изменениях этнического состава населения российских регионов не подтверждается. Подсчет корреляционных зависимостей обнаруживает, что прирост полиэтничности более связан со средними многолетними показателями внутрироссийской миграции (коэффициент корреляции Пирсона 0,52), и в малой степени зависит от показателей международной миграции (коэффициент корреляции Пирсона 0,25)» [Этнополитическая ситуация..., 2011, с. 253].

В реальности в большинстве регионов России, в том числе в СФО, на конец 2012 г. сохранялось абсолютное преобладание русскоязычного (русского и славянского) населения. Но нельзя не признать, что в ходе миграции планомерно сокращается доля русских и славянских народов и увеличивается доля выходцев из постсоветских азиатских и кавказских государств. Их присутствие не вызывает «культурного шока». Это связано с историческим опытом многонационального советского госу-

дарства и полиэтничным характером Сибири, где традиционно сосуществуют различные этнокультурные модели.

Развитие миграционных процессов вносит большое разнообразие в повседневные практики городов СФО: расширяется потребительский рынок, становятся популярными этнические (узбекские, кавказские, уйгурские, китайские, корейские, турецкие) рестораны, кафе, пекарни и магазины; востребованным является этнический бизнес в сфере бытовых услуг; все большее распространения получают различные социокультурные практики, в том числе этнические фестивали и т.д.

Города Сибири меняют свой облик, который традиционно определяла относительно унифицированная среда с преобладанием русскоязычных жителей. Но по мере увеличения доли мигрантов (иноязычного населения) в региональном сообществе нарастает градус обсуждения этносоциальных проблем. Это особенно характерно для городов с высоким показателем обновляемости населения, в частности, для административной столицы СФО – Новосибирска. Перемены в составе населения за счет групп, которые в регионе прежде не проживали, воспринимаются очень остро, определяя характер обывательских суждений, публикаций в СМИ и высказывания политиков.

По результатам исследований, проведенных в рамках данного проекта, видно, что миграционный прирост наиболее значителен в зоне притяжения новосибирской агломерации, особенно в Новосибирском районе, и в отдельных урбанизированных зонах Новосибирской области (табл. 17.2). Сельская местность Новосибирской области, районные центры и городские поселения вне урбанизированных зон теряют свой демографический и производственный потенциал. Интенсивный миграционный прирост пригородов согласуется с логикой активных агломерационных процессов начиная еще с середины 1970-х гг. За прошедшие три десятилетия пригородная зона осваивалась интенсивно и неупорядоченно [Новосибирск, 2007, с. 91]. Этническая миграция усугубила этот процесс. Пригородные территории выступают для Новосибирска поставщиками рабочей силы в виде ежедневной маятниковой миграции.

В поясе Новосибирской агломерации (прежде всего юго-восточная) на протяжении последних 15–20-ти лет обозначилась тенденция (и относительно высокий потенциал риска) формирования территорий компактного (замкнутого) проживания мигрантов.

Вдоль основных транспортных коридоров – междугородных трасс, железнодорожных путей и пригородных дорог местного значения (садово-дачные коммуникации), в частности, вдоль Бердского, Гусинобродского, Ордынского шоссе и т.д., ежегодно возникают сезонные (временные) лагеря цыган-люли (среднеазиатских цыган). Основная их специализация – сбор и реализация вторсырья и нищенство (попрошайничество). Другие цыганские (миграционные) группы осваивают территории садово-дачных обществ. Одно из таких поселений существует более 15 лет в районе общества «Механизатор» между населенным пос. Барышево и пос. Крахаль в Новосибирском районе.

Таблица 17.2

Миграция в местностях Новосибирской области с наибольшим миграционным приростом (убылью) в 2011 г.

Территория	Всего						В том числе																					
	к месту жительства			к месту пребывания на срок более 9 месяцев			к месту жительства			к месту пребывания на срок более 9 месяцев																		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост																
Вся местность	80 645	58 844	21 801	52 441	42 805	9 636	28 204	16 039	12 165	60 037	36 632	23 405	37 346	26 566	10 780	12 625	20 608	22 212	-1604	15 095	16 239	-1144	5513	5973	-460			
Городская	80 645	58 844	21 801	52 441	42 805	9 636	28 204	16 039	12 165	60 037	36 632	23 405	37 346	26 566	10 780	12 625	20 608	22 212	-1604	15 095	16 239	-1144	5513	5973	-460			
Сельская	20 608	22 212	-1604	15 095	16 239	-1144	5513	5973	-460																			
<i>Городские округа</i>																												
г. Новосибирск	43 914	20 470	23 444	24 049	14 970	9079	19 865	5500	14 365	3642	2509	1133	3111	1948	1163	561	30	867	1568	-701	750	1141	-391	117	427	-310		
Искитим	867	1568	-701	750	1141	-391	117	427	-310	1553	808	745	1176	676	500	132	245	1553	802	751	1176	506	377	132	132	245		
Обь	1553	808	745	1176	676	500	377	132	245	Сельская местность	6	-6	-	6	-6	-	-	753	310	443	730	247	483	23	63	-40		
р.п. Кольцово	753	310	443	730	247	483	23	63	-40	<i>Муниципальные районы</i>																		
Искитимский район	2832	2389	443	1991	1827	164	841	562	279	р.п. Линево	314	775	-461	291	590	-299	23	185	-162	2518	1614	904	1700	1237	463	818	377	441
Сельская местность	2518	1614	904	1700	1237	463	818	377	441	Кольванский район	980	774	206	648	562	86	332	212	120	р.п. Кольвань	418	291	127	257	210	161	81	80
Сельская местность	562	483	79	391	352	39	171	131	40	<i>Муниципальные районы</i>																		

Кочевский район	1786	1267	519	1530	969	561	256	298	-42
Городские поселения	757	596	161	559	472	87	198	124	74
р.п. Коченево	581	499	82	422	397	25	159	102	57
р.п. Чик	176	97	79	137	75	62	39	22	17
Сельская местность	1029	671	358	971	497	474	58	174	-116
Новосибирский район	5966	3173	2793	3740	2629	1111	2226	544	1682
р.п. Краснообок	837	463	374	750	391	359	87	72	15
Сельская местность	5129	2710	2419	2990	2238	752	2139	472	1667
Сузунский район	1378	1294	84	932	918	14	446	376	70
р.п. Сузун	516	506	10	367	339	28	149	167	-18
Сельская местность	862	788	74	565	579	-14	297	209	88

Источник: Миграция населения..., 2012, с. 13.

В городской черте места компактного размещения мигрантов формируются на окраинах и в районах рынков. В настоящее время на территории области работают 94 рынка: в том числе в г. Новосибирске – 54, в районах – 40. Плотно заселены этническими мигрантами окрестности рынков: Вещевой (ОАО Гусинобродское, Октябрьский район Новосибирска), Хилокский (Ленинский район Новосибирска), Левобережный (Кировский район Новосибирска).

Местами интенсивного вселения мигрантов также являются районы частного сектора Новосибирска вдоль железной дороги и малых городских рек (Ельцовка, Каменка, Плющиха, Тула и др.). Особенности этих районов были изначально обусловлены точечным индустриальным освоением и рассредоточением планировочной структуры города, самовольным характером застройки и сложным рельефом местности – это определяло формирование замкнутых жилых массивов [Новосибирск, 2007, с. 84–86].

Сегодня основными этническими анклавами Новосибирска являются: район дач, граничащих с Гусинобродским рынком и МЖК «Восточный», весь частный сектор, прилегающий к улице Волочаевская; район Хилокского рынка (улицы Тульская, Хилокская, Малыгина); район, прилегающий к старому городскому аэропорту; частный сектор вдоль Мочищенского шоссе; пос. Мочище. Окраинные районы достаточно компактно населены азербайджанцами, узбеками, таджиками, киргизами, армянами, грузинами, курдами (езидами), цыганами и представителями ряда других народов – прежде всего выходцами из Средней Азии и Закавказья.

Городские окраины по периметру Новосибирска стихийно превраща-

ются в «этнотауны» – зоны экономической и социокультурной активности этнических мигрантов; здесь формируется замкнутая инфраструктура, удовлетворяющая внутренние нужды общин, получает развитие этническое предпринимательство на основе земляческих связей и групповой солидарности, локализуется этническая преступность.

При недостаточной эффективности декларированных Концепцией государственной миграционной политикой на период до 2025 г. легитимных практик интеграции мигрантов происходит стихийная сепарация и «капсулирование» населения по этническому признаку. Это формирует этносоциальные и этнокультурные риски, связанные с развитием Новосибирска и других городов Сибири, для которых характерна подобная ситуация.

Миграционные риски имеют двойственную природу. Категория риска в связи с оценкой человеческого потенциала в равной степени применима как к мигрантам, так и к принимающему сообществу.

В отношении мигрантов оценка рисков развития человеческого потенциала связана с невозможностью реализации в полном объеме традиционной структуры идентичностей (включая культурный, языковой и конфессиональный уровень) и с их слабой интегрированностью в принимающее сообщество. На основе мониторинговых исследований федерального и регионального уровней можно говорить о повсеместном ограничении доступа мигрантов к отдельным видам работ и занижении заработной платы. Известно, что более половины мигрантов в России заняты низкоквалифицированным трудом. Образование, квалификация, профессиональные навыки мигрантов часто не востребованы на российском рынке труда. Социальные риски этой группы связаны с их нисходящей трудовой мобильностью.

По данным экспертов, не менее 60 % мигрантов работают в России незаконно. «Неформальная занятость» (с нерегламентированными условиями труда) мигрантов является следствием ее «выгодности» на теневом рынке при несовершенстве законодательства и его правоприменения. Иностранцы повсеместно испытывают ограничения при найме жилья и ценовую дискриминацию. Доступ к получению статуса постоянного проживания лимитирован. Наиболее серьезные риски в развитии человеческого потенциала мигрантов и вызовы политике интеграции «сопряжены с ограниченным набором социальных прав (отсечением мигрантов от социальной защиты, неэффективностью социальных институтов, призванных обеспечить вторичную социализацию мигрантов), реализацией прав человека в отдельных сферах (в первую очередь доступа к здравоохранению, к правосудию и правовой защите, права на достойный труд), отторжением мигрантов принимающим обществом и ограниченными коммуникациями мигрантов с местным населением» [Мукомель, 2013].

В принимающем сообществе, остро реагирующем на рост миграции и формулирующем все новые и новые угрозы, мигрантам предъявляют претензии в том, что они усиливают конкуренцию на рынке труда, отбирают рабочие места, тормозят рост зарплат и развитие произ-

водства. Однако известно, что экономическая специализация мигрантов связана, прежде всего, с низкоквалифицированными и низкооплачиваемыми непрестижными сферами деятельности. В СФО, в том числе в Новосибирской области и Новосибирске, мигранты заняты, прежде всего, в торговле продовольственными и прочими товарами, в малом бизнесе, в сфере услуг (общепит, ремонт жилья и дорог, ремонт и мойка автомобилей, ремонт одежды, торгово-посредническая деятельность) и пр.

Как социальный феномен, этническая специализация зависит от стажа миграции и укоренности диаспоры в городской среде. Неквалифицированным трудом занимаются недавние приезжие, которые ориентируются на сетевые (этнические/земляческие) связи как форму и механизм адаптации. Этническая ориентированность бизнеса снижается по мере интеграции мигрантов в социально-экономическую инфраструктуру города. Традиционные для Новосибирска азербайджанская и армянская диаспоры, которые формировались на протяжении последних 40 лет, вовлечены в сложную структуру городской экономики.

Специализация с низкой квалификацией характерна в настоящее время для большей части (при известных исключениях) таджиков, узбеков, киргизов – это работа в ЖКХ, подсобные работы, кустарный пошив одежды и пр. Поэтому риски, формулируемые принимающим обществом относительно социально-экономической сферы, имеют гипотетический характер. Но нельзя исключать роста конфликтности в этой сфере по мере развития миграции и усиления конкуренции за доступ к ресурсам и занятости. Этнический фактор в этой ситуации может выступать катализатором социально-экономических противоречий, обозначив развитие ситуации от риска к конфликту.

Большой сегмент этнических рисков в контексте миграции составляют этнокультурные риски – проблемы, связанные со сферой образования, традиционной религией, доступом к информации на родном языке, к культурной инфраструктуре и т.д. На протяжении двух последних десятилетий в городских сообществах Сибири одновременно с развитием миграционных процессов фиксируется изменение этнического состава средних общеобразовательных учреждений. В Новосибирске полиэтничный характер имеют школы в Заельцовском, Кировском, Ленинском, Октябрьском и Дзержинском районах. Наибольшее количество детей из этнически смешанных семей учатся в образовательных учреждениях Железнодорожного, Центрального, Советского, Дзержинского, Ленинского и Кировского районов.

Школы, расположенные в непосредственной близости к районам основных рынков Новосибирска, принимают значительную долю детей миграционных меньшинств, а ряд таких школ более чем на 50 % обучает детей из семей мигрантов, например, МКОУ СОШ № 66 (Хилокская, 4, Ленинский район), МБОУ СОШ № 77 (Ереванская, 14, Заельцовский район), МБОУ СОШ № 71 (Почтовый 3-1 переулок, 21, Дзержинский район), МБОУ СОШ № 194 (Лазурная, 10/1, Октябрьский район) [Межнациональные отношения, 2010, с. 44–58].

К настоящему времени в них отмечается увеличение количества не только этнически смешанных классов, но и народов, которых представляют ученики. Так, если в 2005 г. классы состояли из представителей двух-трех народов, то в 2011 г. появились классы, где учатся дети 4–8 разных этнических групп [Ушаков, 2012, с. 65].

По заказу Управления общественных связей и Управления образования мэрии г. Новосибирска, в 2011 г. сотрудниками ИФП СО РАН было проведено социологическое исследование, посвященное изучению межэтнических и конфессиональных взаимоотношений в таких школах. Опросы учителей и школьников показали относительно благоприятную ситуацию: «Межнациональные отношения как дружеские оценили 48 % экспертов, как благожелательные – 19 %. Если сложить эти оценки, то они, являясь в целом положительными, несомненно, составляют подавляющее большинство (67 %). Значительное количество экспертов оценили их как нейтральные, ровные – 23 %. Отрицательные оценки оказались незначительными: как терпимые их оценили только 9 % классных руководителей и как враждебные – 1 %. И все же негативные оценки показывают, что фактически в 10 % классов с межнациональным составом отношения сложились непростые» [Ушаков, 2012, с. 65].

Полиэтничные школы Новосибирска испытывают множество проблем, решать которые они вынуждены самостоятельно, так как в России опыт подобной работы отсутствует: крайне слабое знание русского языка, сезонный характер посещения школы многими детьми, включенными в обратную или маятниковую миграцию родителей, встраивание в учебный процесс религиозных обрядов, которые привыкли совершать учащиеся и др. Администрация и учительский состав этих школ корректируют программы с учетом этнокультурной специфики учащихся, в частности, необходимости соблюдения календарных праздников и других традиций [Программа опытно-экспериментальной деятельности..., 2013; Информационная карта..., 2013].

В последние годы в школах Новосибирска увеличивается категория учащихся, оторванных от привычной языковой и культурной среды, но в полной мере не интегрированных в принимающую среду. Связанный с ростом миграции конфликтный потенциал в сфере образования также имеет тенденцию к росту. Для нейтрализации рисков требуется (на государственном уровне) разработка специальных программ и методического обеспечения изучения русского языка как иностранного, а также изучения других курсов иностранцами. Потребность в этих программах возрастает в связи с новыми законодательными инициативами, вводящими знание языка в качестве условия трудовой интеграции мигрантов. В настоящий момент попытки решения проблем адаптации детей мигрантов на уровне средней школы в Новосибирске носят инициативный характер. По данным опроса ИФП СО РАН 2011 г., 20,5 % классных руководителей отметили, что в их классах проводятся занятия по истории, культуре, традициям различных народов; 38 % экспертов указали,

что такого рода мероприятия практикуются в их образовательных учреждениях. Ответы экспертов на вопрос о необходимости преподавания дисциплин по мировой и этническим культурам распределились следующим образом: посчитали необходимым их введение 40 % педагогов; признали, что такой необходимости нет – 20 %; и затруднились ответить 37 % учителей. Данное распределение ответов обнажает дискуссионность вопроса и отсутствие его однозначного решения [Ушаков, 2012, с. 71]. Школа, являясь отражением процессов, происходящих в обществе, демонстрирует неоднозначность ситуации, связанной с оценкой миграции и рисков, которые с ней связаны.

Не менее значимым показателем изменения этнокультурной ситуации в городской среде является конфессиональная динамика. Вслед за увеличением численности среднеазиатских и закавказских диаспор в Новосибирске растет число мечетей и молельных домов. По состоянию на сентябрь 2012 г. в Новосибирске работают две мечети: Соборная мечеть на ул. Красина (вместимость 400 чел.) в Дзержинском районе и строящаяся мечеть возле Хилокского рынка в Ленинском районе (400 чел.), а также молельный зал на Левобережном рынке в Кировском районе. Завершается реконструкция исторической мечети 1916 г. на ул. Фрунзе в Центральном районе, достраивается мечеть на ул. Мира (3500 чел.), проектируется мечеть на Мочищенском шоссе в Калининском районе (500 чел.). Таким образом, в ближайшие 1–2 года в Новосибирске будут действовать 5 мечетей, без учета молельных комнат.

По данным имам-хатыба Соборной мечети Новосибирска Накиба Шакирзянова, в 2010 г. отпраздновать окончание священного месяца Рамадан на территории Соборной мечети собрались около 4 тыс. мусульман [Новосибирские мусульмане..., 2013], в 2012 г. – около 5 тыс. [Полумесеч..., 2013]. Что касается общих данных по конфессиональному составу, то наиб-имам Новосибирской мусульманской общины Абдульхамид Шакирзянов оценивает имеющееся количество мусульман в Новосибирской области в 200–300 тыс. чел. [Мусульманам в Новосибирске..., 2013]. Эксперты, высказывающиеся в СМИ, считают эту цифру завышенной. Рафаэль Сулейманов, председатель Новосибирского магометанского общества, уточняет оценку до 100 тыс. верующих [Полумесеч..., 2013].

Религиозная консолидация, являясь одной из форм самоорганизации миграционного сообщества, актуализирует групповые формы культурной (этноконфессиональной) идентичности и этнические риски.

На уровне индивидуального сознания причины этнической враждебности кроются в субъективном восприятии и оценке обычаев, нравов и форм поведения другой культуры – сквозь призму традиций и норм собственной культуры. У большинства людей под влиянием собственной культуры возникают представления о своем видении мира, поведении, образе жизни как единственно возможных и приемлемых. Кроме того, проблему межэтнического взаимодействия усугубляют незнание и стереотипные представления. Они лежат в основе интолерантного отношения, выражающегося в нетерпимости, враждебности к особенностям культуры определенных этнических групп, равно как и к ее представи-

телям. Эти факторы являются серьезным препятствием на пути формирования стратегии взаимодействия всех членов этноконтактной среды. Это острая и актуальная проблема. На сегодняшний день выработка дефиниций толерантности чрезвычайно актуальна для Новосибирска, СФО, поскольку и для региона, и для России в целом характерен рост этносоциальной напряженности.

По данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) среди 500 жителей области, более половины новосибирцев нетерпимо относятся к приезжим и требуют дать русским больше прав. Ультимативную формулировку «Россия — для русских» поддержали 15 % респондентов; большинство (53 %), — согласились с утверждением, что Россия — «многонациональная страна, но русские должны пользоваться определенными преимуществами». Относительно толерантными можно назвать каждого пятого жителя региона. Именно столько сторонников нашлось у утверждения «Россия — многонациональная страна, и все национальности должны пользоваться равными правами». По данным ФОМ, рейтинг самых нежелательных для новосибирцев мигрантов возглавляют выходцы с Северного Кавказа (дагестанцы, чеченцы, черкесы и др.). Жить рядом с кавказской семьей по соседству не хотели бы 56 % респондентов. Второе место делят мигранты из Азии (узбеки, киргизы, таджики, китайцы, вьетнамцы, корейцы), соседствовать с семьями которых не хотят 53 % участников опроса. Жить по соседству с семьями выходцев из Закавказья (азербайджанцами, армянами, грузинами) не хотят 50 % респондентов. Меньше негатива вызывает перспектива соседства с украинцами и молдаванами — 16 % и 23 % соответственно. По данным опроса на портале НГС, 18 % респондентов считают, что русские должны пользоваться преимуществом при приеме на работу. Еще 13,5 % опрошенных говорят о том, что у русских должно быть преимущество в получении образовательных и медицинских услуг. Почти 20 % участников опроса уверены, что мигранты должны быть поражены в праве покупки жилья и выборе места проживания [Маковеев, 2012].

Самым нетерпимым к мигрантам, по данным ФОМ, позиционируется Красноярский край. Самые толерантные — Омская и Иркутская области. Новосибирская область занимает срединную позицию вместе с Кемеровской областью и Республикой Хакасия. В целом по России самая высокая нетерпимость по отношению к мигрантам характерна для Москвы, Оренбурга и Калуги [Маковеев К., 2012].

Рассматриваемая тенденция характерна и для многих других российских и сибирских городов и регионов. Но при пристальном изучении настроений и оценок принимающего общества на региональном уровне этнические фобии могут быть поставлены под сомнение — образ «этнического мигранта» на поверку оказывается обобщенным образом «чужого», аккумулирующего социальное недовольство. Однако нельзя не учитывать большой конфликтотенный потенциал этнических миграций, а также риски, связанные с ними.

Нейтрализация рисков соответствует государственной стратегии России перехода от национального многообразия к единому граждан-

скому обществу, с уважением этноконфессиональных, расовых и других различий. Проблема формирования единого гражданского общества – «российского многонационального народа» – обозначает задачи и перспективы интеграции.

Этносоциальная ситуация в полиэтнических и поликультурных обществах, развивающихся в контексте миграции, имеет противоречивый характер. Предпосылками интеграции мигрантов в полиэтничное сообщество могут быть: общее политическое прошлое, получившее продолжение на уровне СНГ; сложившиеся в советский период практики социально-экономического и культурного взаимодействия; как следствие этого – относительно незначительная культурная дистанция между странами выезда и прибытия и, следовательно, отсутствие фактора «культурного шока»; наличие в России уже существующих диаспор и институтов их национально-культурного самоутверждения.

Современное российское общество только формирует свое отношение к национальному фактору вообще и к миграции рабочей силы в частности. Это сложный процесс, принимающий иногда форму фобий. Проявление последней особенно свойственно периодам, связанным с обострением политической борьбы и борьбой за власть в российском обществе.

Из сказанного очевидна актуальность взвешенной оценки экономических и политических выгод, а также социальных рисков, которые связаны с проведением активной миграционной политики. Необходимо использовать мировой опыт, наработанный в данной сфере, и проводить сравнительный анализ масштабов и факторов иностранной миграции.

Глава 18**ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МИГРАНТОФОБИЯ
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
(на материалах исследований в Новосибирске
и Новосибирской области)**

В этноконтактной среде динамика этнического конфликта развивается по линии последовательно меняющегося поведения, приводящей к увеличению социокультурной дистанции и этнической напряженности. Этническая напряженность представляет собой особое психологическое состояние, которое формируется в процессе отражения групповым этническим сознанием совокупности неблагоприятных внешних условий, ущемляющих интересы группы. Прологом конфликта является отчуждение. Оно находит отражение в стремлении к этнически однородным бракам, к моноэтническому общению, к минимизации контактов с представителями других этнических групп. Постепенно отчуждение сменяется неприязнью, и как возможный результат возникает конфликт, проявляющийся в различных формах. Этническая нетерпимость является серьезным препятствием на пути формирования культуры толерантности всех членов сообщества.

В 2000 г. в РФ была принята федеральная программа, направленная на «формирование установок толерантного сознания, веротерпимости, миролюбия и профилактику экстремизма в гражданском обществе», которая практически сразу начала активно претворяться в жизнь Министерством образования. При этом выработка дефиниций толерантности стала чрезвычайно актуальной задачей.

В узком значении толерантность понимается как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [БЭС, с. 690]. Идея толерантности имеет глубокие исторические корни. Одним из первых к ней обратился Вольтер. В 1763 г. он опубликовал трактат, в котором обозначил толерантность как разновидность общечеловеческой добродетели. Основанная на принципах терпимости, лояльности и уважении к вере и взглядам других людей, толерантность изначально рассматривалась как решение проблемы взаимодействия с религиозными меньшинствами. По мере возникновения все новых проблем в социальных отношениях толерантность вышла за рамки религиозного контекста. По-настоящему популярной она стала в конце XX в.; 1995-й г. был объявлен ООН Годом, посвященным толерантности.

В широком значении, толерантность – это моральное качество личности, характеризующее терпимое отношение к другим людям, независимо от их национальной, религиозной и социальной принадлежности; терпимое отношение к любого рода взглядам, нравам и привычкам.

В Декларации принципов толерантности толерантность означает: «уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Толерантность – это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Проявление толерантности означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими» [Риэрдон, 2001, с.235].

Толерантность формируется в процессе социализации и выступает как внутренняя установка личности на принятие других такими, какие они есть, и готовность взаимодействовать с ними. По мнению Л.А. Ляхотюк, формирование толерантности происходит в два этапа: во-первых, это знание традиций, ценностей, привычек, установок и способов повседневного общения другого этноса/нации/культуры; во-вторых, это осознание того, что «чужой», другой, непривычный не значит – хуже. Он просто другой в силу сложившихся исторических условий [Лохтюк, 2003, с.112]. Таким образом, становится очевидно: чем шире культура толерантности, тем стабильнее существование социума.

Интолерантность появляется в так называемых «зонах негативизма»: религиозной, этнической, психологической, ценностной, поведенческой и др.

Изучение интолерантности и толерантности имеет исключительно важное значение при постановке диагноза и разработке профилактических мер по минимизации, преодолению и урегулированию этносоциальных рисков – межэтнических конфликтов в контактных средах.

Особого внимания при изучении толерантных и интолерантных установок, существующих в социуме, заслуживает учащаяся молодежь, поскольку именно эта группа, активно воспринимающая информацию, способна влиять на формирование будущих стратегий развития.

В ходе опроса, проведенного в Новосибирске и Новосибирской области, было охвачено 663 представителя учащейся молодежи. Среди опрошенных большую часть (92 %) составили русские. Кроме них в опросе участвовали армяне, азербайджанцы, немцы, молдаване, корейцы, татары, украинцы, буряты и представители других этносов, а также те, кто не указал своей национальности.

Считается, что один из аспектов социализации молодежи в современном полиэтничном мире, в том числе и в России, связан с выбором и освоением ценностей того или иного этнического сообщества, ведь предпочтения молодежи демонстрируют перспективное направление эволюции социальных норм. В связи с этим, учащимся и студентам был предложен модифицированный опросник Е.Б. Фанталовой, ориентированный на изучение ценностных ориентации. Результаты рассматривались по наибольшему количеству отмеченных ценностей [Фанталова, 1996, с. 32].

В результате в рейтинг высоко значимых для молодежи ценностей вошли следующие позиции: «счастливая семейная жизнь»; далее в порядке убывания – «наличие хороших и верных друзей», «любовь», «неза-

висимость в поступках», «здоровье» и «творчество» являлись значимыми в среднем для 8% респондентов обеих групп. Последние места заняли: «материально обеспеченная жизнь», «уверенность в себе», «активная жизнь» и «интересная работа». В категорию отвергаемых ценностей вошли: «религиозная жизнь», «красота природы и искусства», «связь со своим народом».

И хотя, как выяснилось, вопросы о связи с этнической культурой не входят в систему ценностей нового поколения и не оказывают серьезного влияния на выбор личностных стратегии поведения, тем не менее, этнический фактор не исключается из коммуникативной сферы.

При ответе на вопрос: «Как Вы относитесь к многонациональным бракам» 66,7% горожан и 59,5% жителей области позитивно оценили заключение национально-смешанных браков; по 17% опрошенных в каждой группе считают такие браки «неустойчивыми», остальные выступают против заключения подобных союзов. При этом, в принципе относясь положительно к смешанным бракам, молодые люди гораздо менее однозначно одобряют эту перспективу для себя лично.

Если с первым вариантом ответа согласились в основном представители славянских народов, то против таких браков выступили представители других сообществ. Это позволяет говорить, что для славянских народов характерен более высокий уровень адаптации к социокультурной среде, чем для представителей иноэтничного населения – их ответы стали своеобразным проявлением этноцентризма и культурной дистанционированности.

По мнению М.Н. Губогло, «интегральное состояние внутрисемейных взаимоотношений служит высокосignальным индикатором, характеризующим не только безболезненную смену поколений, но в известной мере играет роль показателя общего положения в стране, в том числе в различных сферах жизнедеятельности» [Губогло, 2003, с. 678].

В отличие от сферы семейных отношений, этническая сфера, находящаяся за пределами домашнего быта и внутрисемейных отношений, полна противоречий. В ней, как показывает исследование, толерантное сознание молодежи складывается из неоднозначных представлений. Например, высказывая свои предпочтения и симпатии по отношению к различным народам, большинство респондентов г. Новосибирска на первое место поставили «русские» – 31,8 %, далее «все народы» – 16,6 и «никакие» – 6 %. При опросе на территории Новосибирской области ответы на этот вопрос существенно не отличались: «русские» – 30,8 %, «все народы» – 15,7 %, «никакие» – 15,7 %. Интересен тот факт, что в сферу симпатий как горожан, так и жителей области попали «украинцы» – около 8 % и «немцы» – 4,6 %, многие молодые люди при ответе назвали – «славянские народы».

При ответе на вопрос: «Какие народы вызывают у Вас опасения?» опрошенные проявили нетерпимость, прежде всего, по отношению к «чеченцам» – 21,4 % в городе и 21,6 % в области, к «лицам кавказской национальности» – соответственно 11,3 и 10,8 %, «мусульманам» – 8,4 % и 10,2 %; кроме того, довольно часто упоминались представители такой

этнической группы, как «цыгане», – 7 %. Эти народы для опрашиваемых ассоциируются с засильем в сфере рыночной торговли, терроризмом, распространением наркотиков и воровством, «попрошайничеством» и т.д. Лишь 25 % из всех опрошенных первой группы и 29,8 % второй группы ответили, что нет таких национальностей, представители которых вызвали бы неприязненное отношение. Многие из них уточнили, что опасность представляют «люди, нарушающие закон», «необразованные», «легко возбудимые» независимо от этнической принадлежности: «опасна не национальность, а люди». Большое влияние на отношение современной молодежи к указанной проблеме оказывают внешние источники, чаще всего это мнение ближайшего окружения и СМИ. Картина, составленная по результатам анкетирования в молодежной среде, демонстрирует низкий уровень этноконфессиональной и этнокультурной информированности молодежи.

При ответе на вопрос: «В каком городе Вы хотели бы жить – многонациональном или мононациональном?», около 42 %, ответили, что им «все равно», за проживание в «мононациональном городе» высказалось – 33,5 % горожан и 37,3 % проживающей в области молодежи; и только 24 % и соответственно 18 % подчеркнули, что предпочли бы жить в многонациональном городе.

С утверждением: «Представители каждой национальности должны жить на земле своих предков» согласилось подавляющее большинство, охваченных опросом, как из первой, так и из второй группы населения – 41,8 и 60 % . При этом доля молодого поколения, проживающего в области и согласившегося с данным утверждением, была гораздо выше, чем у горожан. Такая разница объясняется тем, что жители сельской местности по сравнению с горожанами более ориентированы на сохранение традиций.

Подтверждением этого служат мнения, высказанные по поводу следующего утверждения: «Представители коренной национальности имеют право решать – жить в их государстве людям другой национальности или нет»; 48 % респондентов первой группы и 51,3 % второй однозначно согласились с этим, соответственно 38,8 и 27,1 % высказались «против». Те опрошенные, которые выбрали ответ «мне все равно» продемонстрировали лояльное или индифферентное отношение к этническому окружению и существующим проблемам.

На вопрос «Должно ли преподавание в учебных заведениях учитывать многонациональный состав?» большинство студентов и школьников – 55,4 % в первой группе и 49,8 % во второй – согласились с ответом «желательно», мнения остальных респондентов разделились: 26,2 % опрошенных первой группы и 22,7 % второй группы считали, что сегодня образование должно ориентироваться на многонациональный состав учащихся, 18,4 % первой группы и 27,5 % второй высказались против идеи поликультурности современного образования.

Таким образом, анализ опросов показал внутреннюю противоречивость в установках современной молодежи. Как отмечает М.Н. Губогло, такая противоречивость состоит в некоей разновекторности этнической

толерантности как чувства долга, с одной стороны, и как понимания рациональной пользы этнической терпимости, если она благоприятствует взаимообогащению культур, – с другой [Губогло, 2003, с. 679]. В целом полученные данные свидетельствуют о неопределенности и размытости этнической самоидентификации молодежи региона. Причем русское большинство по своему самоощущению, знанию традиционных основ собственного этноса, своей собственной истории значительно уступает представителям иных этнических групп. Это в известной степени свидетельствует о незавершенности процесса цивилизационной и этнической самоидентификации в российском обществе и во многом определяет контекст отношения к мигрантам.

Всестороннее изучение взаимоотношений мигрантов и принимающего общества чрезвычайно актуально для современной России. Согласно выступлению министра образования и науки РФ А.А. Фурсенко на Правительственном часе в Совете Федерации 8 февраля 2006 г., «радикально националистически настроенные граждане среди населения России составляют 4,6 % от общего числа граждан, в молодежной среде этот показатель выше и составляет 15 %» [Фурсенко, 2012].

Большое место проблеме национализма отводится в региональных российских исследованиях (Москва, Ростов, Саратов и др.). Оценки рисков связаны с изучением конкретных этнических сообществ и социальных групп, в том числе при характеристике таких показателей, как оценка жизни, ее качества и уровня; социальной идентификации – выделение среди окружающих «своих» и «чужих»; особенностей поведения в реальных или прожективных конфликтных ситуациях; готовности к насильственным действиям.

В русле проблематики национализма и этносоциальных рисков выделяются исследования, посвященные оценке аналогичных процессов в молодежной среде. В рамках изучения коммуникативного межэтнического взаимодействия молодежи признается, что риск является неотъемлемой составляющей жизнедеятельности личности. Осуществление рискованного поведения и поступков способствует приобретению молодыми людьми положительного или отрицательного опыта по выбору стратегии поведения в условиях современной России. Рискованное поведение можно расценивать с различных сторон: как способ самопознания и самоутверждения или как источник опасности для жизни; как поведение, отличное от нормы и противопоставленное общественным традициям и ценностям.

Существуют трактовки рискованного поведения в качестве ценности. Согласно теории Ш. Шварца, рискованное поведение является ведущей ценностью молодых людей не только по причине специфичности их возраста, но и потому, что риск – это ценность современного общества, обусловленная динамичностью происходящих в нем преобразований.

Вместе с тем риск в этносоциальном измерении связывается с явлением экстремизма. В законодательстве РФ под экстремизмом понимается широкий набор действий. В частности, статья 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ

определяет экстремистскую деятельность (экстремизм) как «публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов; пропаганда или публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики...».

В современной литературе экстремизм в молодежной среде квалифицируется как «социально обусловленные формы отклонения от развития экстремального типа сознания молодежи и нарушения меры в выборе адекватных моделей поведения, выражающегося в приверженности крайним взглядам и поступкам, представляющим опасность для окружающих» [Чупров, Зубок, 2008, с. 66]. Сущность молодежного экстремизма трактуют как сознательный выбор способов индивидуального и группового поведения для достижения целей, представляющих угрозу и наносящих вред окружающим.

Разновидностью молодежного экстремизма признается этнический или национально-этнический экстремизм, который рассматривают как крайнюю форму неприязни по отношению к группам мигрантов, а также как установку на крайнюю степень приверженности националистическим взглядам [Чупров, Зубок, 2008, с. 67].

В 2006 г. отделом социологии молодежи ИСПИ РАН было проведено исследование, в котором уровень экстремальности измерялся на основе ранговой шкалы чувств, испытываемых респондентом к мигрантам. Неприязнь к ним в разной степени выразили 35 % молодых респондентов, в том числе в крайней форме 10,5% [Зубок, Чупров, 2008]. На основе данного и подобных исследований аналитики приходят к выводу, что в последние годы российская молодежь демонстрирует высокий уровень интолерантности; отмечается стирание граней между мигрантофобиями и этнофобиями в молодежной среде [Мукомель, 2005, с. 83].

Признание проблемы экстремизма в молодежной среде отражают официальные документы РФ, в том числе нормативный акт – «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на 2006–2016 гг.», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. В Стратегии подчеркивается необходимость «формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности». Отмечается, что именно молодые люди должны выступать проводником идеологии толерантности и быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам [Козлов, 2009, с. 38].

В контексте реализации государственных стратегий противостояния экстремизму актуальными являются многочисленные исследова-

тельские программы последних лет. Среди них: международный семинар «Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде сквозь призму транснациональных исследований» (г. Санкт-Петербург, 16–18 марта 2007 г., состоявшийся при содействии центра изучения молодежи «Поколения. NET»); конференция «Пути предотвращения ксенофобии и экстремизма в молодежной среде на территории Петербурга» (г. Санкт-Петербург, 6 мая 2008) и др.

Явление экстремизма и этнофобий в молодежной среде российские аналитики объясняют тем, что молодежь представляет собой одну из самых социально нестабильных групп российского общества, остро реагирующую на любые общественные перемены.

В условиях неопределенности молодой человек испытывает необходимость поиска устойчивых, как правило традиционных, ценностей. В этой ситуации этническая идентичность выступает надежным признаком принадлежности к сообществу и своего рода гарантией безопасности. Вместе с тем, ее актуализация приводит к росту конфликтности, преувеличенному дистанцированию своей группы от других, к обостренному восприятию «другого»/«чужого».

Экстремальность молодежи носит характер преимущественно спонтанных проявлений, которые, однако, могут перерасти в экстремистские настроения. Риск и иллюзорная значимость экстремистской деятельности оказываются привлекательными для молодежи, так как дают возможность самоутвердиться. В этих проявлениях выражается эмоциональное и оценочно-смысловое (принимаящее форму взглядов и убеждений) отношение молодежи к реализации своих индивидуальных и групповых интересов. Экстремистские настроения в молодежной среде формируются под воздействием реальных экономических и социально-политических процессов.

Аналогичные процессы характерны для многих регионов России, в том числе и для различных областей Сибири. За последнее десятилетие в городах региона, включая г. Новосибирск, заявило о себе движение скинхедов. Инциденты были отмечены со стороны небольших групп, которые именуются «наци-скинхедами» и которые придерживаются национал-социалистической идеологии. Их деятельность зачастую носит агрессивный, характер.

Экстремистские (антимигрантские) выступления молодежных группировок можно проследить по криминальной хронике городских и региональных масс-медиа:

– в марте 2006 г. был оглашен приговор относительно факта возбуждения национальной вражды организованной группой с применением насилия в отношении восьмерых скинхедов (от 18 до 22 лет) националистической группировки «Белое братство», совершивших нападения на граждан Таджикистана и Узбекистана в 2002 г. с целью «очистить» Новосибирскую область от «нерусских» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kolokol.ru/pogroms/14104.html>, свободный; дата обращения: 10.04.2012];

– в начале 2008 г. был вынесен приговор трем членам группы неонацистов (от 16–19 лет), причислявшим себя к скинхедам или наци-скинхедам, проходившим по делу о жестоком убийстве гражданина Турции;

– в октябре 2008 г. было совершено убийство гражданина Таджикистана группой неонацистов, один из которых (20-летний житель г. Новосибирска) был осужден за убийство по мотиву национальной ненависти, а четверо других получили условное наказание;

– в 2009 г. наци-скинхеды напали на участников антифашистского митинга, посвященного памяти Анастасии Бабуровой и Станислава Маркелова [Официальный сайт информационно-аналитического центра «Сова» – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2010/11/d20213/>, свободный; дата обращения: 15.04.2012];

– 9 ноября 2010 г. было совершено вооруженное нападение на участников антифашистской акции (несостоявшегося в НГУ просмотра документального фильма «Любите меня, пожалуйста») группой членов националистического движения;

– 16 мая 2011 г. был вынесен приговор (угроза убийством, совершенная по мотиву национальной ненависти) в отношении неонациста Евгения Ренжина, напавшего на уроженца Таджикистана [официальный сайт информационно-аналитического центра «Сова». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2010/11/d20213/>, свободный; дата обращения: 15.04.2012];

– в ноябре 2011 г. достоянием общественности стал факт вандализма – на стенах городского еврейского лицея «ОР Авнер» краской были нанесены оскорбительные надписи и знаки свастики [Электронный ресурс]. – URL: <http://m.kurer-sreda.ru/2011/11/24/54560>, свободный; дата обращения: 10.04.2012);

– в марте 2012 г. в г. Новосибирске было возбуждено уголовное дело (возбуждение национальной ненависти) против 17-летнего учащегося кадетского корпуса, который выложил в социальной сети фильм «Россия с ножом в спине», занесенный в Федеральный список экстремистских материалов от декабря 2007 г. [официальный сайт информационно-аналитического центра «Сова». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2010/11/d20213/>, свободный; дата обращения: 15.04.2012].

Подобные инциденты демонстрируют радикализацию настроений в среде молодежи. Оценка интолерантных установок в России осуществляется с конца 1990-х гг. Методическая разработка 1998 г. «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжова позволила диагностировать этническое самосознание и его трансформации в условиях межэтнической напряженности. Показатели толерантности/интолерантности были избраны ключевой переменной при конструировании опросника.

В рамках проекта «Толерантность как способ взаимной адаптации вынужденных мигрантов и местного населения» Российского Красного Креста и группы психологов научно-практического центра «Гратис»

(Центр толерантности и гуманитарных технологий) был разработан экспресс-опросник «Индекс толерантности», апробированный в 16 городах РФ в 2001–2002 гг. (сайт кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etnopsy.ru/txt.htm>, свободный; дата обращения: 30.04.2012).

В проекте МГППУ «Социально-психологический анализ факторов возникновения и условий предотвращения национализма в молодежной среде» в 2007–2008 гг. был сделан вывод, что отношение к феномену этничности (национальности) детерминировано не только социальной ситуацией, но и индивидуальными ценностными приоритетами [Хухлаев, 2011, с. 104]. Такого рода выводы были положены в основу авторского исследования.

С целью оценки ситуации среди молодежи г. Новосибирска весной 2011 г. проводилось анкетирование (по схеме доступной выборки) среди 250 студентов НГУ, НГТУ, НГПУ (от 17 – до 24 лет) по методике измерения уровня мигрантофобии М.В. Донцовой, апробированной в исследовании «Мигрантофобия как фактор межэтнической напряженности» в 2006 г. в Южном федеральном округе [Донцова, 2008, с. 91–96]. В инструментарий анкеты было включено 17 позитивных и 17 негативных высказываний по поводу мигрантов. Измерения проводились по шкале от «–3» до «3», где «–3» означает абсолютное несогласие с высказыванием, «3» – полное согласие. Полученный показатель имеет количественный уровень измерений, и интервал его значений варьирует от –1 до 1, где значение «1» указывает на их отсутствие мигрантофобийных установок, а также на наличие в сознании респондента высокого уровня социального доверия, а «–1» – свидетельствует о максимальном уровне мигрантофобии. Этот показатель делится на четыре интервала: очень низкий, низкий, высокий, очень высокий.

По результатам анкетирования 61,2 % респондентов продемонстрировал низкий уровень мигрантофобии. Интервал высокого уровня мигрантофобии представляет 38,4 %; 0,4 % (1 анкета) опрошенных характеризуется очень высоким показателем проявления данной фобии. Материалы анкет свидетельствуют о наличии «внешней» толерантности, т.е. общепринятой форме поведения, и о достаточно терпимом отношении молодежи к мигрантам, их проживанию на данной территории.

На основе проведенного в г. Новосибирске анкетирования и интервью с лидерами молодежных организаций был сделан вывод о том, что возможные конфликты в молодежной среде возникают спонтанно под влиянием сиюминутных ситуаций и «под оболочкой» стереотипного образа «чужого», являясь следствием социально-экономической конкуренции между приезжающими мигрантами и молодежью как маргинальной, социально и экономически неустойчивой группой. Хотя опрос выявил проблему сохранения значительной этнокультурной дистанции между принимающим сообществом и мигрантами и наиболее значимым фактором радикализации настроений был признан негативный опыт взаимодействия с представителями тех или иных этносов и конфессий, тем

не менее на основе полученной выборки удалось установить, что в СФО экстремизм не является устойчивой характеристикой молодежного сознания, несмотря на проявления бытового национализма и интолерантности.

Основные результаты опроса совпали с выводами российских аналитиков о том, что участие в националистических акциях и другие экстремистские проявления в молодежной среде в трансформированной форме являются выражением социальной напряженности. Это первичный фактор возможных конфликтов и мотивационное основание протестной деятельности молодежи.

По данным социологического опроса, проведенного в 2008 г. в Центральном федеральном округе по теме «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии в молодежной среде», главными причинами национальной неприязни были названы: низкий уровень культуры (30,1 % респондентов); высокий уровень криминализации некоторых этнических групп (26,47 %); пренебрежительное отношение к культурным традициям других наций (24,47 %); доминирование некоторых национальных меньшинств в бизнесе, власти, на рынке труда (19,07 %); сохранение ложных стереотипов в отношении своей и других национальностей (16,07 %) [Реутов, 2008, с. 30]. И эксперты, и молодежь почти в одинаковой степени указали на неравное национальное представительство во власти, в бизнес-элите – социально значимых общественных сферах.

Большинство экспертов (67,74 %) утверждают, что этническое и религиозное многообразие становится предпосылкой экстремистского поведения, интолерантных установок лишь в условиях нерешенности социальных проблем [Паин, 2005]. Недовольство «этнизирруется», принимает форму обиды, чувства притеснения со стороны других этнических групп.

Негативные установки относительно мигрантов определяют контекст активизации деятельности таких националистических организаций, как: «Русский общенациональный союз», «Союз русского народа», «Русский прорыв», «Русское общественное движение» и другие, выступающие с призывами противостоять «перманентной миграционной угрозе и ущемлению прав русской нации».

«Русский прорыв», как и «Русский марш», становятся заметным явлением в Сибири последних лет; с каждым годом количество их молодых участников увеличивается. Лидер общественного движения «Русский прорыв» в г. Новосибирска Евгений Логинов так обозначает рост интереса молодежи к этим движениям: – молодежь тянется к атрибутике, к организации; самоидентификация по системе «свой – чужой» является проявлением возрастной психологии; консолидация молодежи является реакцией на изоляцию самих этнических групп (использующих только свой национальный язык) на их вызывающее поведение и игнорирование местных традиций (полевые материалы).

Новые тенденции в развитии этносоциальной ситуации как в СФО, так и в Российской Федерации характеризуются одновременной актуа-

лизацией этничности и ростом бытового национализма в контексте нарастания миграции. С 2005 г. в г. Новосибирске организовывается ко Дню народного единства «Русский марш». В нем ежегодно принимают участие несколько сотен человек, принадлежащих к различным политическим направлениям. Лидер сибирского отделения «Русского общественного движения» и организатор «Русского марша» в г. Новосибирске Ростислав Антонов так комментирует ситуацию: «Русский марш» – это прекрасная возможность почувствовать, что русский народ – это не абстракция, а живая реальность, «мы», тысячи людей. Приходя на «Русский марш», молодой человек приобретает этничность, пытается определиться со своими взглядами» (полевые материалы).

В молодежной среде г. Новосибирска альтернативой такого рода движениям являются антифашистские группировки. Молодые люди причисляют себя к антифашистскому движению по множеству причин: принадлежность к определенной субкультуре «антифа»; противостояние идеям фашизма, дискриминации, национализма; толерантное отношение к представителям других этносов. «“Антифашисты”, – по мнению одного из новосибирских антифашистов, – это не только те, кто выступает с силовыми акциями против фашистов или устраивает митинги, причисляет себя к анархистам, но и кто осуществляет свою деятельность через антифашистские издания, аналитические центры антифашистской направленности, например, центр Сова – Информационно-аналитический центр исследования национализма и ксенофобии» (полевые материалы).

Антифашистское движение г. Новосибирска, при всей своей неоднородности, заявило о себе рядом заметных акций:

– 4 ноября 2008 г. во время проведения «Русского марша» движение колонны перекрыла группа из 50 человек с факелами в руках и транспарантами: «Нет фашистскому маршу!», «Фашизм не пройдет», «Наше Отечество – все человечество» (официальный сайт независимого медиа центра «Индимедиа – Сибирь». [Электронный ресурс]. – URL: <http://imc-siberia.org/ru/node/1685>, свободный; дата обращения: 25.04.2012]);

– с 2009 г. после убийства неонацистами адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой (участницы акций движения «антифа», активистки анархо-коммунистического объединения антифашистской направленности «Автономное действие») акции их памяти стали регулярными;

– в г. Новосибирске 28 февраля 2010 г. организован пикет участниками «Автономного действия» в знак протеста против инцидентов, подобных убийству студента из Южной Кореи группой нацистов г. Барнаула [Официальный сайт независимого медиа центра «Индимедиа – Сибирь». [Электронный ресурс]. – URL: <https://imc-siberia.org/ru/node/4174>, свободный; дата обращения: 26.04.2012];

– 27 ноября 2010 г. был проведен митинг в связи с расправой над участниками несостоявшегося показа фильма «Любите меня, пожалуйста», где звучали лозунги: «Наша истинная национальность – человек», «Мир цветной, а не коричневый», «Фашизм – это твоё равнодушие», «Наше отечество – все человечество», «Сегодня за просмотр кино в тебя

могут стрелять. Что будет завтра?» [Электронный ресурс]. – URL: <http://tauga.info/photo/2010/11/27/~101325>; свободный; дата обращения: 10.03.2012].

В г. Новосибирске антифашисты представляют собой разрозненные объединения, основная пропагандистская деятельность которых ведется в социальных сетях интернета. Так, новосибирский антифашист-интернационалист Сергей характеризует ситуацию следующим образом: «К сожалению, сейчас в Новосибирске нет антифашистского или около антифашистского издания (в свое время была газета «Добро»). Сейчас можно сказать, что антифашисты ушли из общественного пространства. Вполне возможно, что часть этих людей выступает под более актуальными, на их взгляд, общественными повестками, например, демократизация» (полевые материалы).

Отсутствие консолидированных действий в среде молодежи, направленных на противодействие экстремизму, в современном российском обществе оценивается как одна из важнейших проблем. Государственная молодежная политика на федеральном и региональном уровнях направлена на формирование устойчивых практик межнациональных и межконфессиональных взаимодействий в рамках формирования гражданского согласия. Такие программы имеются во многих областях страны; они согласованы с общероссийским проектом 2010–2012 гг. «Молодежь – основа инновационного развития стран» [Сайт Федерального агентства по делам молодежи РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://fadm.gov.ru/projects/>, свободный; дата обращения: 15.04.2012]. Проект включает ряд мероприятий, главным из них является образовательная площадка-форум «Селигер», ориентированная на развитие созидательной активности молодежи.

«Селигер» был включен правительством в план мероприятий «Года молодежи» в России, организованного молодежным объединением «Наши» совместно с Федеральным агентством по делам молодежи. Ежегодно на форуме проходит восемь тематических смен, в частности, реализуется направление «Толерантность» в рамках проекта «Россия для всех». Данный проект определяется двумя целями: создание имиджа России как открытой страны для привлечения талантливых людей из всего мира и гармонизация отношений среди народов, проживающих на территории страны. Однако в его положениях отсутствуют точные формулировки; и по причине широкой трактовки проблема толерантности и интолерантности пока не имеет эффективного решения [Козлов, 2009, с. 80].

В современном понимании в превенции молодежного экстремизма решающее значение приобретает не нейтральная терпимость по отношению к представителям других обществ, культур, религиозных и этнических сообществ, а активная, заинтересованная толерантность, основанная на рефлексивном отношении к собственной позиции, взаимодействию с представителями других молодежных организаций и движений.

В соответствии с Декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.) толерантность определяется «как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармо-

нии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям» [Декларация принципов толерантности. [Электронный ресурс]. – URL: <http://school-sector.relarn.ru/prava/zakony/tolerance/1.htm>, свободный; дата обращения: 1.02.2012].

Именно на развитие созидательной активности в утверждении толерантных отношений должна быть сделана основная установка государственной молодежной политики в современной России и ее отдельных регионах, включая СФО. Вопрос профилактики интолерантности остается открытым. На федеральном уровне нет интегрированных программ по разработке методов решения этой проблемы. Но многие регионы продолжают активную работу в данном направлении.

На противодействие мигрантофобии и интолерантности направлена серия акций, проведенных в г. Новосибирске за последние годы. С 2010 по 2012 г. в рамках проекта «Молодой интернациональный Новосибирск», организованного Межнациональным молодежным советом при мэрии, проводятся тематические вечера для знакомства с культурой различных народов. Семинар «Азбука толерантности», городские дебаты «Молодежь XXI века: формула общения», круглый стол «История и современные тенденции воспитания интернационализма», фотоконкурс и выставка «Я принимаю этот мир» – это лишь малая часть мероприятий, реализованных в 2011 г. в рамках межведомственного плана по профилактике экстремизма и формированию толерантности в молодежной среде в г. Новосибирске.

Комитет по делам молодежи мэрии г. Новосибирска, Муниципальное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования Социально-психологический центр «Ника» при содействии кафедры психологии и педагогики НГТУ, кафедры педагогики НГПУ провели городскую научно-практическую конференцию «От экстремизма к толерантности» (25 ноября 2010 г.). На конференции обсуждались вопросы формирования установок толерантного сознания, правовых аспектов предупреждения и пресечения правонарушений экстремистской направленности. Была обозначена проблема отсутствия взаимодействия межведомственных структур, решение которой позволило бы совершенствовать систему профилактики. На основании резолюции конференции был создан Общественный координационный совет по профилактике экстремизма и формированию толерантности в подростковой и молодежной среде при комитете по делам молодежи мэрии г. Новосибирска. Его задача – совершенствовать формы и методы работы с подростками и молодежью.

В ходе третьего заседания Общественного координационного совета 23 марта 2012 г. в г. Новосибирске были подведены итоги создания информационно-аналитического центра, который будет заниматься мониторингом отношения к проблеме экстремизма в молодежной среде. В состав центра вошли специалисты комитета по делам молодежи мэрии

Новосибирска, Центра «Э» (Центр по борьбе с экстремизмом), СП «Ника», НГАУ, управления общественных связей мэрии.

В настоящее время разворачивается работа Центра толерантности при кафедре психологии и педагогики НГТУ. Апробируются новые методы профилактики этно- и мигрантофобий. В г. Новосибирске подхвачен и активно развивается международный общественно-просветительский проект «Живая Библиотека», первоначально организованный группой волонтеров в г. Москве. В ходе проведения «Живой Библиотеки» в роли «книг» выступают представители различных этнических, социальных групп и профессий, по отношению к которым в обществе существует множество стереотипов и предрассудков.

«Живая Библиотека» – проект, посвященный разнообразию в обществе [официальный сайт проекта «Живая библиотека» в РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://humanlibrary.ru/>, свободный]. Такого рода проект относится к социально значимым: выбор социальных групп «живых книг» читателями так или иначе является отражением интересов, страхов, проблем, востребованных общественным сознанием на данный момент.

В Новосибирской области данный проект осуществляется под руководством общественно-политического движения «геФормация» с 2011 г. В октябре 2011 г. по запросам «читателей» на проект был приглашен бывший беженец из Афганистана. На «Живую библиотеку», состоявшуюся 21 апреля 2012 г. в НГНОБ, были приглашены бывший неонацист, представитель исламской религии. Очевидно, что положение мигрантов, этноконфессиональная тематика актуальны для «читателей» – жителей г. Новосибирска и Новосибирской области, в том числе для молодежи. Власти и общественность предлагают все новые и новые инициативы, направленные на стабилизацию ситуации и предотвращение конфликтов в полиэтничном сообществе г. Новосибирска, развитие которого во многом определяется ростом миграционной составляющей на рынке труда и в социокультурной инфраструктуре. От преодоления экстремизма и утверждения норм толерантности в социуме в целом и в его молодежных стратах зависит будущее сибирского региона, развитие его человеческого потенциала.